

79-81
/

802-18
915

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ СШ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ, ЛИТЕЙН. ПРОСП., Д. № 39.

1875

На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 8-го марта 1862 года, журналы правительственныхъ учрежденій изъяты отъ разсмотрѣнія общей цензуры, почему „Военный Сборникъ“ издается главнымъ редакторомъ оного подъ личною его отвѣтственностію и подъ наблюденіемъ Военнаго Министерства.

С.-Петербургъ, 30-го апрѣля 1875 года.

Главный редакторъ „Военнаго Сборника“,
Генералъ-Маіоръ Лаврентьевъ.

I.

ДВИЖЕНІЕ ТУРКЕСТАНСКАГО ОТРЯДА

ОТЪ УРОЧИЩА ХАЛЪ-АТА ДО АМУ-ДАРЬИ.

(Глава изъ описанія Хивинскаго похода).

(Съ схематическимъ чертежомъ).

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» было заявлено о составленіи «Описанія Хивинскаго похода 1873 года». Этотъ трудъ, который, по свойству предмета, въ немъ заключающагося, принялъ, при его разработкѣ, размѣры вдвое большіе предполагавшихся, приводится нынѣ къ концу. Большая часть рукописныхъ матеріаловъ уже собрана, окончательно редактируется и въ непродолжительномъ времени будетъ печататься.

Изданіе предпринято по предварительно составленной программѣ, которая заключаетъ въ себѣ четыре главныхъ отдѣла.

Въ **первомъ** отдѣлѣ будетъ представленъ краткій историческій очеркъ постепеннаго движенія русскихъ на Востокъ и послѣдовательнаго водворенія ихъ въ нынѣшнихъ нашихъ средне-азиатскихъ владѣнійхъ.

Болѣе полно и подробно въ этомъ отдѣлѣ будутъ изложены отношенія Россіи къ Хивѣ, отъ самыхъ первыхъ сношеній нашихъ съ этимъ ханствомъ до послѣднихъ событій, вызвавшихъ Хивинскую экспедицію 1873 года.

Въ **первомъ** же отдѣлѣ вкратцѣ будутъ изложены результаты исследованийъ о Хивинскомъ ханствѣ и о путяхъ, ведущихъ къ нему, добытые различными отдѣльными лицами, миссіями и посольствами нашими, разновременно посѣщавшими Хивинскій оазисъ и болѣе подробно будетъ представлена картина событій на границахъ съ Хивой Оренбургскаго, Туркестанскаго и Кавказскаго военныхъ округовъ, предшествовавшихъ Хивинской кампаніи и бывшихъ, такъ сказать, ея предвѣстникомъ.

Въ заключеніе **перваго** отдѣла будутъ разобраны различные планы кампаніи на Хиву и представленъ послѣдній общій планъ Хивинской экспедиціи, по которому она совершилась въ 1873 году.

Второй отдѣлъ, наиболѣе полный и подробный, состоящій изъ пятнадцати главъ, будетъ заключать въ себѣ: снаряженіе всѣхъ отрядовъ въ походъ, движеніе ихъ къ хивинскимъ предѣламъ и дѣйствія на хивинской территоріи до занятія Хивы.

Кромѣ специально-военныхъ подробностей относительно снаряженія, движенія и дѣйствій войскъ, во второмъ отдѣлѣ читатели найдутъ описаніе пройденныхъ всѣми отрядами огромныхъ пространствъ и длинныхъ путей и краткій очеркъ Хивинскаго оазиса.

Описаніямъ движеній и дѣйствій Мангышлакскаго и Красноводскаго отрядовъ будетъ предпосланъ краткій очеркъ нашихъ Закаспійскихъ владѣній и изложеніе дѣйствій въ этой странѣ, предшествовавшихъ Хивинскому походу.

Третій отдѣлъ представитъ періодъ пребыванія русскихъ войскъ на хивинской территоріи, туркменскую экспедицію, заключеніе мирнаго договора, обратное движеніе войскъ въ округа, образованіе Аму-дарьинскаго отдѣла и оставленіе въ немъ части войскъ Туркестанскаго отряда. Въ концѣ отдѣла будетъ помѣщено заключеніе о Хивинской кампаніи 1873 года и, наконецъ,

Четвертый отдѣлъ составитъ изъ статей отдѣльныхъ авторовъ, участниковъ похода, въ которыхъ будутъ изложены результаты ихъ научныхъ наблюденій и изслѣдованій, въ разныхъ отношеніяхъ, о Хивинскомъ ханствѣ и о прилегающихъ къ нему степныхъ пространствахъ.

Въ этомъ отдѣлѣ наиболѣе интересныя и законченныя статьи будутъ:

Магистра зоологіи *М. Н. Богданова*, очерки природы Хивинскаго оазиса и пустынь Кызылъ-кумъ. Въ статьѣ будутъ заключаться слѣдующія главы: а) природа и обитатели пустынь Кызылъ-кумъ; б) нижнее теченіе Аму-дарьи и ея фауна; в) Хивинскій оазисъ и его природа; г) каталоги животныхъ пустынь, рѣки Аму-дарьи и Хивинскаго оазиса; д) домашнія животныя и отношеніе человека къ животному міру въ Хивинскомъ оазисѣ, и е) очеркъ исторіи природы края.

А. Л. Куна, историко-этнографическія и другія свѣдѣнія о ханствѣ.

Генеральнаго штаба полковника *барона Каульбарса*: а) описаніе рѣки Аму-дарьи и ея дельты; б) очеркъ старыхъ руселъ Аму-дарьи и Яны-дарьи; в) этнографическій очеркъ дельты Аму; г) таблицы метеорологическихъ наблюденій и результаты изслѣдованій Урунъ-дарьи.

Генеральнаго штаба полковника *Жилинскаго*, результаты астрономическихъ опредѣленій и топографическихъ работъ во время Хивинскаго похода.

ОТОЯ ОП

Генеральнаго штаба полковника *Королькова*, замѣтки о флорѣ Хивинскаго оазиса и Кызылъ-кумской степи.

Сверхъ того, будутъ помѣщены другія статьи и замѣтки по разнымъ предметамъ о Хивинскомъ ханствѣ, *А. П. Хорошкина*, *Н. А. Иванова* и прочихъ лицъ.

Изданіе будетъ иллюстрированное. Въ немъ будутъ помѣщены виды изъ походной жизни и обстановки дѣйствовавшихъ противъ Хивы войскъ; виды города Хивы и другихъ пунктовъ ханства и степей; портреты главныхъ начальниковъ экспедиціонныхъ войскъ; портреты хана хивинскаго, нѣкоторыхъ изъ его приближенныхъ и другихъ болѣе типичныхъ лицъ.

Въ приложеніи къ труду, кромѣ разныхъ таблицъ, вѣдомостей, донесеній и прочаго, въ особомъ альбомѣ будутъ помѣщены карты, планы дѣйствій войскъ, городовъ, крѣпостей; маршруты движенія отрядовъ и прочее. Въ числѣ картъ самыя значительныя и интересныя будутъ: 1) общая карта театра Хивинской кампаніи 1873 года; 2) карта Хивинскаго ханства; 3) подробная карта рѣки Аму-дарьи и ея дельты и проч.

Весь трудъ, какъ извѣстно, составляется подъ главнымъ руководствомъ бывшаго главнаго начальника войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Хивы, генераль-адъютанта *К. П. фонъ-Кауфмана* 1-го, и подъ редакціею начальника его штаба, свиты Его Величества генераль-маіора *Троцкого*.

Кромѣ перваго отдѣла, заключающаго въ себѣ, главнымъ образомъ, историческую часть изданія, разработку которой обязательно приняли на себя генеральнаго штаба полковники *Шенелевъ* и *Соболевъ*, не участвовавшіе въ Хивинскомъ походѣ, всѣ остальные отдѣлы описанія похода составлены участниками Хивинской кампаніи 1873 года; причѣмъ въ работѣ по составленію описанія дѣйствій туркестанскихъ войскъ приняли участіе: свиты Его Величества генераль-маіоръ *Троцкий*, генеральнаго штаба полковники: бароны *Аминовъ* и *Каульбарсъ*; кавказскихъ войскъ—генеральнаго штаба полковникъ *Гродековъ* (*); оренбургскихъ—подполковникъ *Ивановъ* (**).

Карты и планы къ изданію работаютъ въ военно-топографическомъ отдѣлѣ главнаго штаба, подъ наблюденіемъ генеральнаго штаба полковника *Штубендорфа*, при участіи всѣхъ сотрудниковъ по изданію и подъ непосредственнымъ руководствомъ полковника барона *Каульбарса*.

(*) Бывшій начальникомъ штаба Мангышлакскаго отряда.

(**) Бывшій офицеръ генеральнаго штаба въ Оренбургскомъ отрядѣ.

Всѣ распоряженія, сдѣланныя до выступленія головной колонны съ Халь-ата къ Адамъ-крылгану, клонились къ тому, чтобы, сколько возможно, приготовиться ко всѣмъ случайностямъ предстоявшаго труднаго перехода. Въ этомъ смыслѣ были приняты всѣ мѣры, какія оказались возможными въ данной обстановкѣ и при данныхъ средствахъ.

27-го апрѣля, въ четыре часа пополудни, выступила съ Халь-ата головная колонна генераль-маіора Бардовскаго въ слѣдующемъ порядкѣ: разъѣздъ изъ восьми джигитовъ, вооруженныхъ туземными саблями; при разъѣздѣ слѣдовали подполковники: артилеріи Ивановъ и генеральнаго штаба Тихменевъ (*) съ четырьмя казаками; въ полуверстѣ назади, патруль изъ восьми казаковъ сборной сотни (конвойная командующаго войсками) съ хорунжимъ Церенжаловымъ; въ верстѣ за патрулемъ взводъ 1-й роты 1-го стрѣлковаго баталіона, составлявшій авангардъ; за авангардомъ остальные части, прикрывавшія вьючный обозъ.

Командующій войсками провожалъ отрядъ около восьми верстъ и, пропустивъ его, вернулся въ Халь-ата.

Непріятель нигдѣ не показывался: ровная, гладкая площадь впереди, высоты по сторонамъ и за горизонтомъ были совершенно пусты. Солнце зашло, отрядъ вступилъ на мѣстность, пересѣченную невысокими барханами, покрытыми саксауломъ. Дорога, извиваясь по волнистой мѣстности, сдѣлалась труднѣе и болѣе песчаной. Впереди видно было только на самое близкое разстояніе. Было уже темно, когда подполковники Ивановъ и Тихменевъ увидѣли, шагахъ въ полтораста впереди, конныхъ людей, неожиданно показавшихся изъ-за бархана. Не было сомнѣнія, что то былъ непріятель. Тихменевъ и Ивановъ остановились, слѣзли съ лошадей и приказали казакамъ спѣшиться и сѣдовать коней. Но едва они успѣли слѣзть и снять съ плечъ ружья, какъ толпа, скрывавшаяся до того времени за барханомъ, бросилась на нихъ, и на самомъ близкомъ разстояніи сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ. Казакамъ былъ отданъ приказъ стрѣлять только въ упоръ. Раненые при первомъ же натискѣ, они не потеряли присутствія духа и били, дѣйствительно, только тѣхъ, которые подсакивали къ нимъ подъ самое дуло. Тихменевъ и Ивановъ, стрѣлявшіе изъ револьверовъ, были ранены: Тихменевъ въ голову (рубленнымъ свинцомъ тремя кусками), Ивановъ пулями въ руку и

ногу. Джигита, державшаго лошадей, прострѣлили пулями и сильно порубили; другой также опасно раненъ пулей. Положеніе этой небольшой горсти людей было критическое. Непріятель видѣлъ это и насаждалъ дружно, но въ шашки броситься не рѣшался. Въ эту минуту, къ отбивавшимся подоспѣла подмога: хорунжій Церенжаловъ, ѣхавшій съ восемью казаками въ авангардѣ, услышавъ впереди выстрѣлы, поскакалъ на перестрѣлку. Завидѣвъ непріятеля, онъ крикнулъ «ура» и, озадачивъ противника, безпрепятственно присоединился къ Тихменеву и Иванову. Только тогда непріятель замѣтилъ, какъ слаба прибывшая помощь; онъ снова сомкнулъ кругъ и продолжалъ перестрѣливаться, но на этотъ разъ уже не такъ близко. Первые выстрѣлы едва были слышны въ колоннѣ; тѣмъ не менѣе она тотчасъ была остановлена, чтобы дать возможность стяннуться верблюдамъ, а взводъ стрѣлковъ, усиленный еще другимъ взводомъ, отправлены были бѣгомъ на выручку казакамъ. По приближеніи стрѣлковъ, сдѣлавшихъ по непріятелю нѣсколько выстрѣловъ, послѣдній удалился. При первыхъ выстрѣлахъ нападавшей партіи у насъ убѣжало шесть лошадей, попавшихся въ руки непріятеля (*). Послѣдній понесъ также убыль въ лошадяхъ: три убито, шесть ранено. Потеря непріятеля въ людяхъ неизвѣстна. Нужно отдать хивинцамъ полную справедливость: они отлично подхватываютъ своихъ раненыхъ и увозятъ убитыхъ.

Нападеніе было произведено на 18-й верстѣ отъ Халь-ата. Нападавшихъ было около полтораста человекъ. Такъ какъ раненымъ необходима была медицинская помощь, а главное, въ потемкахъ, въ присутствіи непріятеля, рисковано было двигаться, то генераль-маіоръ Бардовскій рѣшился ночевать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была перестрѣлка.

Ночь была тихая и прохладная; свѣтила луна. Тотчасъ построили каре, наружныя линіи изъ верблюжьихъ вьюковъ, за ними, составленные ружья и мѣсто для ночлега людей, далѣе, улегшіеся верблюды—и ночлегъ отряда готовъ. Солдаты набрали саксаулу, разложили костры и группами расположились у огня надъ своими чайниками; дру-

(*) У подполковника Тихменева убита лошадь, а при быстромъ спѣшиванні разъѣзда, вырвались двѣ заводныя лошади Иванова и Тихменева и три джигитскія. Съ заводными лошадьми достались непріятелю сѣдла, а также вьюкъ подполковника Иванова, въ которомъ, между прочимъ, было и фюрменное пальто. Любопытно, что послѣднее, безъ пуговицъ и погонъ, найдено было впоследствии въ занятой нами Хивѣ, во дворцѣ хана, въ комнатѣ, гдѣ сохранялись самыя дорогія его вещи; а пуговицы и погоны отъ этого пальто оказались впоследствии на одной туркменской сурѣ, въ день пораженія туркменовъ 17-го іюля.

(*) Подполковникъ Ивановъ завѣдывалъ собственно проводниками въ Туркестанскомъ отрядѣ. Подполковникъ Тихменевъ исполнялъ обязанности ооцера генеральнаго штаба въ колоннѣ генерала Бардовскаго.

гѣ толпились у взятыхъ непріятельскихъ лошадей. Тутъ же лежали раненые казаки и джигиты, которымъ дѣлали перевязку.

Всѣ четыре казака, находившіеся при Тихменевѣ и Ивановѣ, были ранены; одинъ изъ нихъ тяжело, съ раздробленіемъ берцовой кости. Между ранеными джигитами былъ отрядный проводникъ, который жестоко изуродованъ (*).

Раненые по временамъ стонали. Поодаль отъ нихъ, на большомъ разостланномъ коврѣ, лежали человекъ восемь офицеровъ, пившихъ чай. Правѣ, тоже на раскинутомъ коврѣ, передъ зажженной свѣчкой, сидѣлъ Ивановъ. Докторъ, стоявшій возлѣ, на колѣняхъ, осматривалъ его окровавленную руку. Вокругъ этой группы толпились любопытные; каждому хотѣлось узнать отъ Иванова подробности дѣла и посмотреть рану. Кромѣ раны въ рукѣ, у него было задѣто пулей колѣно, но счастливо (**). Бивакъ долго освѣщался огнями; люди не спали за полночь. То тамъ, то здѣсь слышались распоряженія на счетъ воды: «Смотри, Иванъ, дай лошади полведра: еще Богъ знаетъ, найдемъ ли воду на Адамъ-крылганѣ. — «Положить турсуки вотъ здѣсь, зарыть и смотреть въ оба. Ляжемъ спать, чтобы турсуки были въ серединѣ». — «Что, осталось въ турсукѣ воды? Это завтра на чайникъ».

Каждая капля воды учитывалась. Пили, сколько можно, а не сколько хотѣлось. Большинство, еще съ Халъ-ата, приготовило себѣ бутылку, двѣ, съ чаемъ.

Около двухъ часовъ ночи, съ 27-го на 28-е апрѣля, на Халъ-ата было получено донесеніе генералъ-маіора Бардовскаго о случившемся, причемъ послѣдній просилъ выслать врача для припіатія раненыхъ, а также новаго проводника въ замѣнъ убитаго.

Командующій войсками, тотчасъ же по полученіи извѣстія, выслалъ три сотни и ракетную батарею, подъ начальствомъ подполковника Главацкаго, которому и приказалъ дойти до отряда генералъ-маіора Бардовскаго, принять раненыхъ и отправить ихъ подъ конвоемъ одной сотни въ Халъ-ата; съ остальными двумя сотнями

(*) Проводникъ, Молда-бай, получилъ пять ранъ пулями и двѣ шашкою; послѣднія были особенно тяжелыя. Молда-бай не издавалъ ни малѣйшаго стога, не показывалъ вида, что онъ страдаетъ, и только, по временамъ, тяжело вздыхалъ. Онъ скоро впалъ въ безпамятство и умеръ. Отецъ Молда-бая, присутствовавшій при кончинѣ сына, далъ клятву отмстить туркменамъ, и впоследствии, въ схваткѣ съ ними, онъ собственноручно изрубилъ пятерыхъ враговъ.

(**) 28-го числа, передъ вечеромъ, раненые были привезены въ лагерь на Халъ-ата, за исключеніемъ подполковника Тихменева, который, по легкости и незначительности раны, остался въ строю. Подполковникъ Ивановъ долженъ былъ остаться въ Халъ-ата для излеченія раны.

ему предписано было пройти до Адамъ-крылгана и оттуда произвести нѣсколько развѣдокъ въ стороны отъ колодезѣ, для очищенія мѣстности отъ непріятельскихъ шаекъ.

Съ кавалеріею подполковника Главацкаго отправленъ былъ, для перевозки въ Халъ-ата раненыхъ, единственный въ отрядѣ тарантасъ командующаго войсками, а также докторъ Величковскій и фельдшеръ. Съ Главацкимъ же посланы были въ отрядъ генерала Бардовскаго знаки отличія Военнаго ордена всѣмъ раненымъ казакамъ и джигитамъ.

На другой день, часовъ въ десять утра, отрядъ генералъ-маіора Бардовскаго выступилъ съ бивака.

Верстахъ въ шести отъ ночлега, колонну догнали сотни подполковника Главацкаго, который, отправивъ раненыхъ подъ прикрытіемъ сотни въ Халъ-ата, продолжалъ движеніе на Адамъ-крылганъ.

На двадцатой верстѣ находится колодезь Ащи-кудукъ (горькій колодезь), на урочищѣ Акъ-ташъ (бѣлый камень) (*). Отъ него характеръ мѣстности измѣняется. Дорога вступаетъ въ районъ большихъ, сыпучихъ, такъ-называемыхъ, переносныхъ песковъ. Рѣдкій саксаулъ и джида покрываютъ песчаные бугры, изъ которыхъ нѣкоторые достигаютъ десяти сажень высоты. Мѣстность, съ удаленіемъ отъ Акъ-таша, значительно подымается. Поэтому отрядъ двигался весьма медленно. Артилерія на подъемахъ вывозилась съ помощью людей.

На время самой жары сдѣлали привалъ и людямъ роздали воды, въ которой они сильно нуждались. День былъ очень жаркій: Реомюръ показывалъ въ тѣни 33 градуса. Въ такой жаръ можно только лежать въ тѣни; идти же, и притомъ съ какойнибудь ношей, почти невозможно.

Съ привала, тѣмъ же порядкомъ, двинулись впередъ. Однообразнотомительно тянулась для отряда верста за верстою. Все тѣ же печальныя картины кругомъ; все тяжелѣе и тяжелѣе путь, серьезнѣе затрудненія.

Медленно, но ровнымъ, твердымъ шагомъ двигаются люди; крупный потъ каплетъ съ ихъ блѣдныхъ усталыхъ лицъ, ноги тонутъ въ песокъ; солнце жжетъ головы; мѣшечки за плечами, манерки и у нѣкоторыхъ бутылки съ боку, ружье,—ко всему этому привыкъ солдатъ: онъ бодро шагаетъ впередъ. На желтомъ фонѣ песковъ двигаются бѣлыя шапки, рубашки, сверкаютъ штыки. За людьми

(*) Акъ-ташъ находится на границѣ бухарскихъ и хивинскихъ владѣній. Вода въ колодезѣ не годна даже для верблюдовъ.

также медленно тинутся орудія, издавая глухой гулъ. Лошади въ мылѣ; имъ помогаютъ лямками. Но прошли люди, проѣхали орудія и за ними показалась вереница верблюдовъ; на переднемъ сидитъ лаучъ, держащій арканъ, привязанный къ носу животного; къ хвосту этого послѣдняго прикрѣпленъ арканъ, который тянетъ за носъ сзади идущаго, и т. д. Верблюды эти навьючены бочками; слышно какъ въ нихъ плещется вода.

«Вотъ жизнь наша», разсуждаетъ ближайшій изъ спутниковъ верблюдовъ, философъ-резонеръ, «отъ какой случайности она зависитъ? Упадетъ неловко верблюдъ, разсыпется бочка, другая—и полроты лишится чая именно въ ту минуту, когда безъ него обойтись невозможно». Но верблюды съ бочками, переваливаясь съ боку на бокъ, благополучно проходятъ далѣе. За ними тянется инженерный паркъ: желѣзные, покрашенные красной краской, кауфманки (*), мостовая настилка, штурмовыя лѣстницы, кетмени, брусковое желѣзо, все это разсортировано, верблюды подобраны сообразно тяжестимъ. За паркомъ—запасные верблюды, на которыхъ по два и по одному сидятъ солдаты. Оригинально видѣтъ качающуюся фигуру, съ ружьемъ въ рукахъ, взгромоздившуюся на самое неуклюжое, неповоротливое животное.

Остальной обозъ не представляетъ такого однообразія. Вотъ тянется вьюкъ за вьюкомъ: два сартовскихъ сундука, завернутыхъ въ кошму, узлы, коржумы (**), чемоданъ, ящикъ, вѣроятно съ ячменемъ, сверху всего кресло изъ чернаго бука; какіе-то мѣшки, мѣшечки, старая солдатская шинель, палка съ желѣзнымъ наконечникомъ, чайникъ, ведра, два бока палатки, опять два сартовскихъ сундука, на верху турсуки, привязанный недоуздкомъ, два разныхъ котла, тренога, кетмень и т. д. По дорогѣ небольшой пригорокъ; при спускѣ съ него, передній верблюдъ ускоряетъ шагъ; задній, не успѣвшій пойти также скоро, сильно потянулся и закричалъ; арканъ, привязанный къ носу, лопнулъ. «Тохта!» (стой) кричатъ лаучу, идущему далеко впереди. Вся вереница (10—15 верблюдовъ) останавливается; оторвавшіеся снова привязываютъ и снова трогаются впередъ. Далѣе тоже произошла остановка: уставшій верблюдъ остановился и легъ. Стали тянуть за носъ, кричать, бить нагайкой—ничего не помогаетъ; бѣдное, истощенное животное испускаетъ жалобный ревъ и не двигается съ мѣста. Привели другаго верблюда, положили, навьючили

(*) Желѣзные лодки, сдѣланные къ походу въ мастерскихъ Аральской флотиліи, по мысли и чертежамъ генерала Кауфмана.

(**) Перемѣтные сумки.

вьюкомъ съ упавшаго, привязали въ линію и тронулись. Приставшій не могъ встать даже безъ вьюка. Онъ такъ и остался лежать на дорогѣ въ ожиданіи скораго конца. Многіе верблюды пали; только имѣвшійся запасъ далъ колоннѣ возможность двигаться безостановочно. То и дѣло приходилось перевьючивать; работы было много; и безъ нея солдаты сильно устали и страдали отъ жажды. Одинъ солдатъ, ѣхавшій на верблюдѣ, до такой степени ослабѣлъ, что упалъ на землю и лежалъ почти безъ движенія. «Пить дайте, пить! внутри горитъ все...» говорилъ онъ едва шевелившимся языкомъ. Пять, шесть глотковъ воды и глотокъ краснаго вина совершенно его оживили; онъ всталъ и снова взобрался на верблюда.

Не доходя верстъ шесть до Адамъ-крылгана, въ отрядѣ узнали отъ посланнаго подполковникомъ Главацкимъ джигита, что на занятомъ казаками урочищѣ есть колодезь съ прѣсною, очень сносною водою. Всѣ приободрились, люди ускорили шагъ.

Адамъ-крылганъ представляетъ поразительно оригинальную мѣстность. «Пусть читатель», говоритъ Вамбери, «вообразить себѣ необозримое море песку: съ одной стороны высокіе холмы, какъ волны, взбитыя на эту высоту страшными бурями; съ другой, тѣ же волны, разбѣжавшіяся мелкой зыбью, точно тихое озеро рябитъ западный вѣтеръ».

«Въ воздухѣ ни птицы, на землѣ ни растенія, ни насѣкомаго, только мѣстами слѣды разрушенной, уничтоженной жизни, въ видѣ бѣлѣющихъ костей людей и животныхъ...» И надъ этимъ страшнымъ песчанымъ моремъ, южное, жгучее солнце, сильно накаляющее песокъ.

Пусть читатель, для довершенія картины, вообразить себя въ этой пустынѣ, съ отяжелѣлой головой, томимаго жаждой, двигающагося шагъ за шагомъ около вьюковъ. Таковъ походъ въ этой «странѣ смерти»... Въ іюнѣ и іюлѣ, мѣстность эта еще ужаснѣе. Она не даромъ носитъ названіе «Адамъ-крылганъ», что значитъ: «погибель человѣка». Въ эти мѣсяцы, днемъ, движеніе здѣсь даже на лошади, по словамъ Вамбери, невозможно. Только крайняя необходимость можетъ заставить человѣка проходить во время этихъ, по восточному выраженію, «собачьихъ дней». Къ нашему счастью, мы шли въ концѣ апрѣля.

Садилось солнце, когда отрядъ генералъ-маіора Бардовскаго подходилъ къ колодцу; здѣсь были уже казаки, которые въ тотъ же вечеръ должны были идти обратно въ Халь-ата.

Отрядъ расположился между песчаными холмами, представлявшими отличную, въ оборонительномъ смыслѣ, крѣпкую позицію.

На другой день, 29-го апрѣля, саперная рота принялась за рытье новыхъ колодцевъ, которыхъ необходимо было отрыть столько, чтобы напоить весь отрядъ, направлявшійся сюда изъ укрѣпленія Св. Георгія (Халъ-ата). Работа была не особенно трудна, такъ какъ вода находилась отъ поверхности всего на $4\frac{1}{2}$, 4 и даже на 3 аршина. Единственное затрудненіе, встрѣченное при рытьѣ, заключалось въ томъ, что трудно было, на уровнѣ воды, удержатъ плывущій въ отрываемую яму песокъ. Но и это было устранено: внутренность обкладывалась подвозимымъ саксауломъ, находившимся отъ мѣста работъ въ трехъ, четырехъ верстахъ. Къ обѣду, 30-го апрѣля, было готово 18 колодцевъ.

Въ большинствѣ ихъ оказалась слегка солоноватая вода, годная, впрочемъ, даже на чай. Мы говоримъ «годная на чай», хотя петербургскій житель пришелъ бы въ ужасъ отъ нашего чая. Но мы привыкли уже къ разнымъ кудукамъ, спасающимъ человека отъ жажды. Главное достоинство адамъ-крылганскихъ колодцевъ заключалось въ томъ, что они были неистощимы. Постоянный расходъ воды тотчасъ же пополнялся. Можно было, слѣдовательно, вполне надѣяться, что всѣ войска, которыя предполагалось сюда стянуть, найдутъ въ колодцахъ воды столько, сколько имъ было необходимо.

Между тѣмъ, на Халъ-ата получились новыя данныя о путяхъ до Аму-дарьи, доказавшія цѣлесообразность принятаго направленія на Адамъ-крылганъ.

29-го числа генералъ-маіоръ Бардовскій препроводилъ въ лагерь одного киргиза, ѣхавшаго со стороны Учъ-учака. Киргизъ этотъ былъ нашъ подданный, посланный, по распоряженію генералъ-маіора Головачева, еще въ началѣ похода, въ Шураханъ, для сбора свѣдѣній о непріятелѣ. Онъ сообщилъ, что отъ Адамъ-крылгана до Аму-дарьи вдвое больше разстоянія чѣмъ отъ Халъ-ата до Адамъ-крылгана.

За достовѣрность показанія, киргизъ, впрочемъ, не ручался, говоря, что знаетъ дорогу плохо, такъ какъ ѣхалъ стороною, песками, боясь быть пойманнымъ туркменами. Киргизъ увѣрялъ, что на Учъ-учакѣ собрано до 6,000 хивинскаго войска, съ шестью большими и многими малыми орудіями, и что Садыкъ, съ шайкою изъ пятисотъ человекъ, находится въ недалекомъ разстояніи отъ Адамъ-крылгана. Всѣ сообщенныя имъ свѣдѣнія были очень неясны и впоследствии оказались неточными.

28-го числа, вечеромъ, возвратились на Халъ-ата двое, а 29-го, утромъ, остальные два изъ посланныхъ для развѣдокъ джигитовъ. Сообщенныя ими свѣдѣнія подтвердили, что дорога изъ Халъ-ата

черезъ урочище Кукъ-ичме на Кукерткли вовсе неудобна для движенія отряда: она значительно длиннѣе дороги на Учъ-учакъ и, главное, встрѣчающіеся на ней колодцы (большую частью по одному, съ водою дурнаго качества) маловодны и, по мнѣнію джигитовъ, не могли бы снабдить водою эшелоны даже тѣхъ размѣровъ, какіе были въ Туркестанскомъ отрядѣ при первоначальномъ движеніи по степи отъ Нуратинскихъ горъ (*).

Но вблизи непріятеля нельзя уже было двигаться малыми эшелонами. Джигиты доѣхали только до половины этого разстоянія, потому что торопились вернуться въ Халъ-ата къ назначенному сроку (29-го апрѣля); о второй половинѣ они разузнали отъ встрѣчнаго каравана. Имъ, между прочимъ, сообщили, что на Кукерткли стоитъ шайка Теке-туркменовъ, пришедшихъ изъ окрестностей Мерва и желавшихъ, вѣроятно, воспользоваться смутнымъ временемъ для грабежа и поживы. Свѣдѣнія о непріятелѣ отчасти подтверждались.

29-го числа, утромъ, подполковникъ Главацкій съ кавалеріею возвратился въ лагерь. На пройденномъ имъ пути, отъ Халъ-ата до Адамъ-крылгана и отъ сего послѣдняго на нѣсколько верстъ впередъ и въ стороны, шаекъ онъ нигдѣ не встрѣтилъ, но слѣды ихъ были замѣтны по разнымъ направленіямъ (**).

29-го числа послѣдовалъ приказъ о выступленіи войскъ къ Адамъ-крылгану. Нельзя не замѣтить, что приказъ этотъ подѣйствовалъ на всѣхъ чрезвычайно пріятно. Всѣ просіяли отъ радости, при мысли оставить, наконецъ, Халъ-ата. Съ самаго перваго дня прихода сюда войскъ не переставалъ дуть сильный вѣтеръ, а вѣтеръ по поверхности песковъ способенъ надѣсть. Только съ 27-го апрѣля вѣтеръ стихъ, за то наступили душные жаркіе дни. Но хуже песчаныхъ бурановъ и наступившихъ жаровъ было вынужденное, необходимое бездѣйствіе.

Самое вредное не только для солдатъ, но и для офицеровъ, во время трудныхъ походовъ, есть, безспорно, долговременныя остановки.

(*) Кукъ-ичме должно было быть нѣчто похожее на Адамъ-крылганъ. Джигиты нашли тамъ всего двѣ копани съ водою; но, судя по близости къ поверхности земли грунтовой воды, можно было рытьемъ новыхъ колодцевъ добыть воды сколько понадобится.

Отъ Кукъ-ичме начинаются большіе пески, которые въ высшей степени сухи и безъ всякой растительности, т. е. принадлежать къ категоріи, такъ называемыхъ, бѣлыхъ переносныхъ песковъ.

(**) Главацкій привезъ донесеніе отъ генералъ-маіора Бардовскаго, сообщавшаго, что къ приходу главныхъ силъ отряда онъ рассчитываетъ вырыть 20 колодцевъ.

Никакія трудности и лишенія не могутъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на бодрость духа русскаго человѣка, когда у него есть дѣло; въ свою очередь, его энергическая натура трудно переноситъ бездѣйствіе. Къ этому нужно прибавить неясные, тревожные слухи объ ужасахъ предстоявшаго пути. Войска стойко переносили невзгоды, и при первой мысли о движеніи впередъ, все зашевелилось, все приняло бодрый и веселый видъ.

Въ часъ ночи на 30-е апрѣля выступили съ Халъ-ата главные силы боевой колонны, въ составъ девяти ротъ, восьми конныхъ орудій и полсотни казаковъ. Въ этотъ день предполагалось дойти до Адамъ-крылгана, а 1-го и 2-го мая сдѣлать два перехода къ Сардаба-кулю. Такъ какъ поднять воду съ собою на три дня для всей кавалеріи отряда не предстояло никакой возможности, то рѣшено съ боевою колонною послать только одну сборную сотню, собственно для развѣдковъ и вообще для кавалерійской службы при колоннѣ. Остальные, затѣмъ, казачьи сотни и ракетную батарею предполагалось послать отдѣльно отъ боевой колонны. Эти части, 30-го апрѣля, должны были оставаться на Халъ-ата, а 1-го мая, когда, по предположенію, боевая колонна пройдетъ первую половину разстоянія отъ Адамъ-крылгана къ Сардаба-кулю, сдѣлать переходъ къ Адамъ-крылгану и вечеромъ того-же дня двинуться далѣе, съ такимъ расчетомъ, чтобы 2-го числа нагнать боевую колонну подъ конецъ ея перехода къ Сардаба-кулю, когда именно и можно было ожидать столкновенія съ неприятелемъ. По этому плану, кавалерія все разстояніе отъ Халъ-ата до Аму-дарьи должна была сдѣлать въ два перехода: первый, 42 версты до Адамъ-крылгана и второй, по предположенію 80 верстъ (а въ дѣйствительности 60 верстъ), до Сардаба-куля.

Первая половина перехода, отъ Халъ-ата до урочища Акъ-таша, была совершена безъ затрудненій. Было прохладно. Дулъ такой свѣжій вѣтеръ, что ѣхавшіе верхомъ должны были надѣть на себя шинели.

Около десяти часовъ утра колонна сдѣлала большой привалъ на урочищѣ Акъ-ташъ.

Сюда прибылъ изъ Самарканда джигитъ, привезшій разныя бумаги, письма и донесенія главному начальнику Туркестанскаго края отъ генералъ-маіора Абрамова. На привалѣ сдѣлано было распоряженіе о выступленіи съ Халъ-ата частей оставленныхъ тамъ войскъ, въ виду полученнаго извѣстія, что интендантскій транспортъ, конвоируемый Семирѣченскою сотнею войскового старшины Гринвальда, придеть на Халъ-ата 1-го мая. Такъ какъ съ этимъ транспортомъ должны

были прибыть къ Халъ-ата до 1,000 верблюдовъ, то черезъ это и явилась возможность двинуть съ Халъ-ата часть оставленныхъ тамъ войскъ. Поэтому и рѣшено было направить на Адамъ-крылганъ особую колонну, подъ начальствомъ полковника Веймарна, изъ двухъ ротъ 2-го стрѣлковаго баталіона, взвода 9-ти-фунтовыхъ орудій и № 5-го Семирѣченской сотни. Отряду этому назначено было выступить 4-го мая для того, чтобы верблюды, прибывшіе съ транспортомъ, успѣли отдохнуть. Части, назначенныя въ составъ колонны Веймарна, должны были имѣть съ собою тяжести по тому же расчету, какъ имѣла ихъ боевая колонна.

Для поднятія тяжестей, а также и воды, разрѣшено было взять сколько понадобится верблюдовъ изъ транспорта Гринвальда. Имѣя, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду подвезти съ колонною Веймарна запасъ продовольствія и для частей боевой колонны, приказано было навьючить сколько будетъ можно провіанта и сухаго фуража на остальныхъ верблюдовъ изъ транспорта Гринвальда и везти этотъ запасъ при отрядѣ полковника Веймарна. По приходѣ колонны Веймарна съ провіантомъ на Адамъ-крылганъ, ей приказано было остаться на этомъ мѣстѣ, до высылки изъ передовой части водоподъемныхъ средствъ, а по полученіи ихъ, двинуться вслѣдъ за боевою колонною къ Аму-дарьѣ и далѣе вверхъ по рѣкѣ.

Въ четыре часа пополудни колонна двинулась съ привала къ Адамъ-крылгану. Съ полудня вѣтеръ совершенно стихъ и наступила невыносимая жара. Какъ уже было сказано выше, отъ Акъ-таша дорога значительно труднѣе. Сыпучіе, глубокіе пески, постоянные перевалы бархановъ (*) и общій подъемъ, все это крайне утомило людей, сдѣлавшихъ уже до Акъ-таша 20 верстъ. Но люди шли молодцами. Когда командующій войсками обгонялъ части, онѣ приободрились, смыкались и по глубокому песку шли въ ногу, равняясь, на сколько это было возможно, въ рядахъ и шеренгахъ.

Бухарскій и коканскій посланники, постоянно ѣхавшіе въ свитѣ генерала Кауфмана, были поражены этимъ; они замѣтили, что солдаты не сами идутъ, а что ихъ ведутъ или несутъ святые. За то не такъ исправно двигался вьючный обозъ. Животныя сильно утомились и многія, кромѣ павшихъ, вовсе не могли въ этотъ день дойти до почлега, такъ что пришлось оставить значительное число вьюковъ на дорогѣ, при небольшомъ прикрытіи. Около девяти часовъ вечера колонна подошла къ Адамъ-крылгану.

Наступила ясная лунная ночь. Кругомъ лагеря царствовала мертвая

(*) Холмы песку, иногда очень большіе и высокіе.

тишина. На разсвѣтѣ, какъ только погасли послѣдніе костры на бивакѣ, шайка туркменовъ стала пробираться къ лагерю. Наступившая передъ разсвѣтомъ темнота, волнистая мѣстность и рыхлый песокъ, по которому не слышно топота лошадей, были причиною, что туркмены приблизились къ секретамъ на самое близкое разстояніе. Только когда нѣсколько всадниковъ вскочили на барханъ шагахъ въ 150 отъ секрета, раздался выстрѣлъ и немедленно затрубили тревогу. Лагерь поднялся. За темнотою не было возможности опредѣлить ни числа нападающихъ, ни направленія атаки. Приказано было выслать на передніе барханы, въ сторону гдѣ раздавался выстрѣлъ, взводы стрѣлковъ, общее командованіе которыми поручено было Его Императорскому Высочеству Князю Евгенію Максимиліановичу Романовскому.

Вскорѣ начало разсвѣтать и тогда увидѣли довольно значительную партію, окружившую лагерь съ южной и западной сторонъ. Непріятель открылъ по биваку совершенно безвредный ружейный огонь, на который стрѣлкамъ приказано было отвѣчать не иначе, какъ навѣрняка, стрѣляя лишь съ самыхъ близкихъ дистанцій. Непріятель, то гарцовалъ, на почтительномъ разстояніи отъ лагеря, посылая въ него однопіе, бесполезные выстрѣлы; то, собираясь болѣе или менѣе плотными кучками, съ гикомъ, повидимому очень рѣшительно, устремлялся къ лагерю; но встрѣченный выстрѣлами стрѣлковъ, снова разсыпался и ускокаивалъ отъ бивака. Его не преслѣдовали. При боевой колоннѣ, какъ извѣстно, была одна только сотня, которой предстояло пройти около 60 верстъ разстоянія до Аму-дарьи.

Видя бесполезность всѣхъ своихъ попытокъ, непріятель сталъ постепенно отступать, а часть туркменовъ потянулась въ направленіи къ пройденному нами наканунѣ пути, гдѣ, какъ выше упомянуто, оставлено было изъ обоза нѣсколько выюковъ, подъ небольшимъ прикрытіемъ. Замѣтивъ это, генералъ-адъютантъ фонъ Кауфманъ приказалъ генеральнаго штаба подполковнику барону Каульбарсу взять роту 1-го стрѣлковаго баталіона и слѣдовать съ нею по дорогѣ на Акъ-ташъ до оставленныхъ выюковъ. Едва только эта рота вышла изъ лагеря и стала вытягиваться по дорогѣ, какъ туркмены съ гикомъ устремились на нее; рота была остановлена и дала залпъ, который такъ ошеломилъ непріятеля, что онъ повернулъ въ рассыпную назадъ и уже болѣе не рѣшался на атаку. Рота безпрепятственно дошла до выюковъ и, забравъ ихъ съ собою, возвратилась въ лагерь.

Тревога 1-го мая обошлась намъ безъ всякой потери; непріятель же потерялъ нѣсколько людей и лошадей (*).

(*) По свѣдѣніямъ, собраннымъ послѣдствіемъ отъ плѣнныхъ, оказалось,

1-го мая отрядъ, вмѣсто предполагавшагося движенія далѣе, дневалъ на Адамъ-крылганѣ. Дневка эта была необходима (въ виду поздняго прибытія войскъ наканунѣ на ночлегъ) для отдыха, корма и поила верблюдовъ, а также для наполненія водоподъемныхъ сосудовъ. Такъ какъ выступленіе предполагалось ночью съ 1-го на 2-ю мая, то, часу въ десятомъ утра 1-го числа, всѣ находящіеся при отрядѣ офицеры генеральнаго штаба были отправлены впередъ на развѣдочную, съ цѣлью рассмотреть и выискать удобнѣйшее направленіе, для вывода отряда на большую учъ-учакскую дорогу изъ песчаныхъ бархановъ, составлявшихъ позицію на Адамъ-крылганѣ.

При очеркѣ пространства между Халъ-ата и Аму-дарьею, говоря о путяхъ и колодцахъ въ этой мѣстности, было упомянуто, что въ 20 верстахъ отъ Адамъ-крылгана, по направленію къ Учъ-учаку и въ 9 верстахъ въ сторону отъ прямой дороги имѣются колодцы Алты-кудукъ или Туркменъ-казганъ. По имѣвшимся свѣдѣніямъ, на этомъ урочищѣ хотя и было шесть колодцевъ съ порядочною водою, но всѣ они были очень глубоки. Отъ Адамъ-крылгана къ упомянутымъ колодцамъ ведетъ тропинка, отдѣляющаяся отъ большой дороги приблизительно на десятой верстѣ. Являлся вопросъ: идти ли отряду прямо большою дорогою на Сардаба-куль, или же направиться туда черезъ Алты-кудукъ? Но направляясь на Алты-кудукъ увеличивали длину пути до Аму-дарьи почти на 20 верстъ, а главное въ названныхъ колодцахъ не могло быть воды столько, сколько необходимо всему отряду. Можно бы было, подобно тому какъ съ Халъ-ата, выслать съ Адамъ-крылгана передовой отрядъ, давъ ему тоже назначеніе, какъ и отряду генералъ-маіора Бардовскаго; но противъ этого имѣлись серьезные доводы. Во-первыхъ: жары съ каждымъ днемъ увеличивались и надо было торопиться выходомъ на Аму-дарью, иначе дальнѣйшее пребываніе въ пустынной мѣстности могло вредно повліять на здоровье войскъ. Во-вторыхъ: о рытьѣ новыхъ колодцевъ на Алты-кудукъ, по причинѣ большой глубины до грунтовой воды, нечего было и думать; слѣдовательно, пришлось бы: или, раздробивъ силы, двигаться къ Аму-дарьѣ эшелонами; или идти на Алты-кудукъ, рискуя остаться тамъ безъ надлежащаго количества воды. Въ третьихъ: передовой отрядъ потребовалъ бы большихъ водоподъемныхъ средствъ и отнялъ бы ихъ у сзади шедшихъ частей. Собирая все вышензложенное, рѣшено было остаться при прежнемъ предположеніи, что люди, потревожившіе насъ на Халъ-ата, напавшіе на передовой нашъ развѣздъ 27-го апрѣля, и сдѣлавшіе попытку напасть на лагерь у Адамъ-крылгана, были туркмены, въ числѣ до 300 человекъ, высланные изъ хивинскаго лагеря подъ Учъ-учакомъ, подъ начальствомъ туркмена Суака.

положеніи и двинуться прямо по большой дорогѣ къ Аму-дарьѣ. Войскамъ туркестанскимъ предстояло сдѣлать самый трудный шагъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что доселѣ ими было испытано.

Въ два часа ночи, съ 1-го на 2-е мая, отрядъ былъ поднятъ. Въ самое короткое время лагерь освѣтился множествомъ костровъ; многіе жгли вещи, не смотря на то, что значительная часть тяжести была оставлена еще въ укрѣпленіи св. Георгія. Пылали джуламейки, сложенные въ груды сундуки, кошмы, мѣшки. Сравнительно съ тѣмъ, какъ выступили изъ Ташкента, व्यюки были облегчены, по крайней мѣрѣ, на одну треть. Запасныхъ верблюдовъ почти уже не имѣлось.

Выходъ изъ нагроможденныхъ одинъ на другомъ огромныхъ сыпучихъ бархановъ представлялъ большія затрудненія, и операція эта, для артилеріи и व्यючнаго обоза, шла крайне медленно. Слишкомъ двѣ тысячи верблюдовъ медленно, шагъ за шагомъ, по рядамъ, вытягивались изъ глубокаго песку на солончакъ, прилегавшій къ позиціи и къ дорогѣ, по которой предстояло идти впередъ.

Къ четыремъ часамъ утра отрядъ вытянулся изъ бархановъ. Двинулись далѣе въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди казаки, съ разѣздами (20 человекъ) впередъ и въ стороны; за передовымъ разѣздомъ, въ видѣ авангарда: двѣ роты стрѣлковъ, дивизионъ конной батареи, саперы; за авангардомъ главные силы: въ составѣ пяти ротъ и другаго дивизиона батареи; потомъ обозъ (*), по сторонамъ котораго, въ разстояніи двухсотъ шаговъ, двѣ роты; далѣе аріергардъ, изъ двухъ линейныхъ ротъ при горномъ дивизионѣ. Колонна, такимъ образомъ, имѣла въ головѣ боевую часть, могшую, въ случаѣ необходимости, дѣйствовать совершенно самостоятельно.

Командующій войсками, по установившемуся въ походѣ порядку, слѣдуя со свитою своею, то нагонялъ авангардъ, останавливался и пропускать всю колонну, то снова направлялся къ авангарду, наблюдая за движеніемъ. Начальникъ отряда, генералъ-маіоръ Головачевъ, съ своимъ штабомъ, слѣдовалъ тамъ, гдѣ его присутствіе было болѣе необходимо.

По плану движенія, предполагено было дойти съ Адамъ-крылгана безостановочно (т. е. безъ ночлеговъ) до Аму-дарьи, сдѣлавъ по дорогѣ три большіе привала: первый — на двадцатой верстѣ, куда от-

(*) Верблюды съ водою и съ провіантомъ шли при своихъ частяхъ, за исключеніемъ ротъ, бывшихъ въ боковыхъ цѣпяхъ. Верблюды, съ водою этихъ частей, а также весь остальной व्यючный обозъ шелъ между главными силами и аріергардомъ

рядъ долженъ былъ дойти къ девяти часамъ утра 2-го мая, и откуда ему слѣдовало выступить въ *четыре часа* пополудни того же дня; второй — на сороковой верстѣ, гдѣ отрядъ долженъ былъ стоять съ девяти или десяти часовъ вечера до двухъ или трехъ часовъ утра 3-го числа, и третій — на шестидесятой верстѣ, куда, по расчету, колонна должна прибыть около девяти или десяти часовъ утра 3-го мая. Здѣсь, а можетъ быть и раньше, навѣрное можно было предполагать серьезное столкновеніе съ непріателемъ, почему и нельзя уже было рассчитывать, сколько именно времени потребуется для достиженія берега Аму. Въ виду этого обстоятельства, необходимо было сохранить къ послѣднему привалу какъ можно болѣе воды. Очевидно, такимъ образомъ, что, при имѣвшемся количествѣ воды въ отрядѣ, весь успѣхъ движенія зависилъ отъ точнаго исполненія вышеприведеннаго расчета. Малѣйшая задержка отъ какихъ либо причинъ (замедленіе въ движеніи артилеріи, व्यючнаго обоза) — и приведенный расчетъ опрокидывался. Тогда, на протяженіи до Сардабакуля, по недостатку воды, отрядъ могъ быть поставленъ въ трудное положеніе.

Соображая все вышесказанное, отданъ былъ приказъ по войскамъ: не задерживаться перевыючкою павшихъ верблюдовъ, бросать всѣ навьюченные вещи и немедленно жечь ихъ, чтобы онѣ не достались трофеями непріятельскимъ шайкамъ (*).

Путь отъ Адамъ-крылгана былъ очень затруднителенъ; набитый караванами и значительно углубленный относительно окружающей мѣстности, онъ представлялъ массы рыхлаго песку, затруднявшаго движеніе артилеріи и верблюдовъ. Кочки, густые кустики и неровности мѣстности по сторонамъ заставляли артилерію и весь व्यючный обозъ двигаться только по дорогѣ. Мѣстами эту послѣднюю пересѣкали крутые и высокіе песчаные барханы, вынуждавшіе дѣлать объѣзды. Упряжные и артилерійскія лошади, изнуренныя недостаткомъ корма и безводіемъ, были похожи на скелеты, обтянутые кожей. На подъемахъ онѣ, безъ помощи пѣхоты, не двигались. Верблюды, при самомъ началѣ движенія отъ Адамъ-крылгана, стали сильно отставать и падать. Пѣхота шла по сторонамъ дороги, гдѣ, какъ упомянуто выше, встрѣчались своего рода большія затрудненія движенію, но гдѣ мѣстами песокъ былъ менѣе сыпучъ. До семи, восьми часовъ движеніе вообще было еще сносно. Но когда взошедшее солнце, по-

(*) Приказаніе это, само собою, не относилось только до व्यюковъ съ водою. Артилерійскіе व्यюки также было приказано сохранять по возможности, и прибѣгать къ ихъ уничтоженію только въ крайнихъ случаяхъ.

дымаясь по безоблачному небу, начало сильно припекать, раскалившийся песокъ жечь ноги, а душный горячій воздухъ раздражать легкія, тогда силы людей и животныхъ стали быстро упадать. Не смотря на все это, въ девять съ половиною часовъ утра, довольно точно по расчету, авангардъ дошелъ до двадцати первой версты и остановился для перваго большаго привала.

Мало по малу, но весьма медленно, подходили къ мѣсту привала и другія части, подтягивались верблюды съ водою. Эта драгоценность, во время марша, отъ утечки и порчи турсуковъ, значительно уменьшилась. Раздали людямъ по чаркѣ воды для питья и немного на чай, и начали варить пищу (*).

Былъ уже второй часъ. Духота сдѣлалась нестерпимою. При полномъ затишѣ въ воздухѣ, термометръ поднялся до 45-ти градусовъ. Отрядъ бивакировалъ на голыхъ песчаныхъ барханахъ, образовавъ каре, внутрь котораго стягивался обозъ. Выюки подходили весьма медленно. Изъ арьергарда стали приходить неутѣшительныя извѣстія: верблюды не идутъ, множество изъ нихъ падаетъ. Для спасенія артилерійскихъ запасовъ и воды, люди освобождаютъ верблюдовъ отъ другихъ выюковъ, а послѣдніе жгутъ; нѣкоторые артилерійскіе и инженерные выюки съ прикрытіемъ оставлены на дорогѣ. Послали за этими послѣдними лучшихъ верблюдовъ, пришедшихъ уже на бивакъ, и стали ждать.

Съ каждой минутой положеніе отряда дѣлалось серьезнѣе.

О выступленіи въ четыре часа и сохраненіи расчета движенія нечего было и думать. Все зависѣло отъ времени прибытія арьергарда, котораго далеко еще не было видно. Но, по приходѣ его, необходимо было дать отдыхъ верблюдамъ, а слѣдовательно, увеличить срокъ привала еще часовъ на шесть или на семь, и выступить далѣе въ полночь или въ часъ ночи. Такая продолжительная остановка, затягивая и дѣлая совершенно неизвѣстнымъ время выхода къ водѣ, на Аму-дарью, растрчивала имѣвшійся въ отрядѣ запасъ воды для людей и лошадей. Ясно, что если подобная неудача постигла войска при переходѣ первыхъ двадцати верстъ, то нечего было и рассчитывать на болѣе успѣшное совершеніе слѣдующихъ сорока двухъ верстъ.

Послѣ раздачи воды на привалѣ, послѣ варки и отъ утечки въ продолженіе первыхъ двадцати верстъ, ее оставалось, по обыкновенному расчету, много, много что на полтора дня, а въ нѣкоторыхъ частяхъ, какъ, на примѣръ, въ конной батарее, еще и того меньше.

(*) Нельзя не признать это за ошибку; варка при такихъ обстоятельствахъ уничтожаетъ сразу большое количество воды и усиливаетъ жажду.

Въ четыре часа пополудни послѣдовало приказаніе: растянуть имѣвшійся запасъ воды еще на три дня.

При такомъ положеніи, конечно, нельзя уже было напоить, какъ слѣдуетъ, измученныхъ артилерійскихъ лошадей. Онѣ казались совершенно неспособными пройти шестидесятиверстное разстояніе до Аму-дарьи (*). Еще въ худшемъ состояніи были верблюды. Для всѣхъ становилось яснымъ, что если эти бѣдныя животныя будутъ продолжать падать въ той же пропорціи, то придется побросать по дорогѣ не только всѣ вещи, даже патроны, но можетъ быть и воду. Тогда оставалось только одно: надѣяться, что хоть горсть войскъ, поддерживаемая высокою нравственною силою, не оставлявшею людей и въ эти трудныя минуты, дойдетъ до Аму-дарьи, оставивъ по пути слѣдованія страшные, ужасающіе слѣды...

Какъ ни мрачно представлялась будущность, никому въ цѣломъ отрядѣ, ни на одну секунду, не приходила мысль объ отступленіи.

Около пяти часовъ вечера прибылъ къ привалу измученный арьергардъ. Многіе солдаты несли на рукахъ мѣшки съ порохомъ и гранатами артилерійскаго парка, снятые съ павшихъ верблюдовъ (**).

Для освобожденія, по возможности, большаго количества верблюдовъ, и для ихъ облегченія, тотчасъ по приходѣ на привалъ арьергарда, были приняты самыя энергическія мѣры. Рѣшено было истребить и сжечь всѣ вещи, въ которыхъ не встрѣчалось насущной потребности; чего нельзя было сжечь, приказано было ломать и зарывать въ землю.

Опять, какъ и на Адамъ-крылганѣ, только при другой обстановкѣ, другомъ освѣщеніи, запылали костры, клубясь темнымъ дымомъ и распространяя кругомъ невыносимый смрадъ, заражавшій и безъ того душливый, знойный воздухъ. Жгли все, что могли: палатку командующаго войсками, офицерскія палатки, походныя кровати, зимнія шинели, мундиры, бѣлье, лишнія пары сапоговъ; солдатскія лишнія рубашки, мундиры, амуницію, крупу. Изъ инженерныхъ вещей: уменьшили число лопатокъ, мотыгъ, уничтожили понтонныя доски, штурмовыя лѣстницы и проч.; часть желѣзныхъ понтоновъ также было приказано зарыть (***)

(*) Какъ тогда предполагалось; въ дѣйствительности же разстояніе до Аму отъ мѣста перваго привала было всего 42 версты.

(**) Люди эти далеко отстали отъ остальнаго обоза и потому не могли заѣхать павшихъ животныхъ другими.

(***) Мѣра эта не успѣла быть, однако, приведена въ исполненіе; понтоны были перевезены на Алты-кудукъ, и какъ увидимъ ниже, весьма тамъ пригодились.

Бивакъ имѣлъ самый мрачный видъ: обезсиленные тяжелымъ переходомъ и мучимые жаждой, съ высохшими губами, люди, изъ которыхъ немногимъ удалось забыться тяжелымъ сномъ; исхудалыя, съ мутными глазами, лошади, еле державшіяся на ногахъ; верблюды, эти умныя животныя, смотрѣвшія по сторонамъ и какъ будто искавшія помощи; сложенные около нихъ вьюки; дымившіеся костры... И надъ всѣмъ этимъ все то же жгучее южное солнце, подъ ногами тотъ же раскаленный песокъ. Въ такомъ положеніи невольно приходила мысль: нельзя ли добыть воды на мѣстѣ привала? Начали копать. По всѣмъ признакамъ, вода должна была быть на очень большой глубинѣ; но солдаты не унывали и дружно работали. Работа была, однако, бесполезна: до воды не могли дойти.

Часа въ два дня доложено было командующему войсками о нахождении при саперной ротѣ джигитѣ, киргизѣ Тюстю-баѣ, который указывалъ, что недалеко отъ мѣста остановки отряда, верстахъ въ 9—10 въ сторонѣ отъ дороги, сколько онъ помнитъ, должны быть колодцы. Названіе колодцевъ Тюстю-бай не зналъ, но полагалъ, что найдетъ ихъ. Тотчасъ онъ былъ позванъ къ генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману, который началъ его подробно спрашивать. — «Вотъ видите этотъ маякъ», говорилъ Тюстю-бай, указывая на черную массу, видѣвшуюся на песчаномъ холмѣ, далеко вправо отъ дороги: «за этимъ маякомъ долженъ быть еще маякъ, а за вторымъ маякомъ должны быть колодцы». Направленіе, указанное джигитомъ, совершенно совпадало со свѣдѣніями, имѣвшимися о колодцахъ Алты-кудукъ, о которыхъ уже сказано выше, хотя собственно тропа на эти колодцы отдѣлилась отъ большой дороги значительно раньше. Достиженіе какихъ бы то ни было колодцевъ, гдѣ бы отряду можно было перевести духъ и нѣсколько оправиться, было въ эту трудную минуту обстоятельствомъ спасительнымъ. Но какъ, въ то же время, нельзя было отважиться свернуть съ дороги нѣлому отряду для отысканія колодцевъ, безъ болѣе точныхъ свѣдѣній, чѣмъ неопредѣленное указаніе Тюстю-бая, то командующій войсками приказалъ Тюстю-баю сперва одному доѣхать до колодцевъ, о которыхъ онъ говорилъ, и, отыскавъ ихъ, привезти бутылку воды или какое нибудь другое фактическое доказательство о существованіи колодцевъ (*).

(*) Киргизъ этотъ, во время похода, находился при саперной ротѣ въ качествѣ рабочаго, по собственному его желанію. Онъ былъ замѣчательно сильнаго, атлетическаго сложенія и отличался изумительною ловкостью и быстротою работы при отрытіи колодцевъ, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе всѣхъ на Адамъ-крыганѣ. Онъ слылъ въ отрядѣ подъ названіемъ «Сапера Василія».

Тюстю-бай тотчасъ помчался по указанному имъ направленію и часа черезъ два возвратился, отыскавъ колодцы. Воды онъ съ собою не привезъ, потому что колодцы оказались болѣе глубокими, чѣмъ длина взятой имъ веревки. Въ доказательство же, что онъ дѣйствительно былъ на колодцахъ, Тюстю-бай притащилъ съ собою веретень съ одного колодца, посредствомъ котораго киргизы обыкновенно достаютъ воду изъ глубокихъ колодцевъ.

По возвращеніи джигита, немедленно были командированы генеральнаго штаба подполковники баронъ Аминовъ и баронъ Каульбарсъ, съ конвойною сотнею, для осмотра найденныхъ колодцевъ. Вслѣдъ за ними была послана стрѣлковая рота 8-го линейнаго баталіона. Когда названные офицеры прибыли на Алты-кудукъ, было уже совсѣмъ темно, и потому изслѣдовать мѣстность и колодцы не предстояло никакой возможности; однако, они успѣли попробовать воду изъ всѣхъ колодцевъ и измѣрить ихъ глубину. Колодцы оказались очень глубокими, отъ 16 до 18 сажень. Уже во время этой рекогносцировки можно было предвидѣть главнѣйшее изъ предстоявшихъ затрудненій: доставаніе воды изъ узкихъ, кривыхъ и глубокихъ колодцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, это было весьма трудно: въ продолженіе часовой остановки рекогносцировочнаго отряда, едва успѣли вытянуть изъ одного колодца шестнадцать ведеръ. Вода, впрочемъ, была порядочная, а въ одномъ колодцѣ очень хорошая. О результатахъ рекогносцировки было донесено въ отрядъ запискою, вслѣдъ за которою баронъ Аминовъ, съ конвойною сотнею, явился самъ и привезъ съ собою бутылку пробной воды.

Баронъ Каульбарсъ остался на Алты-кудукъ съ ротою 8-го баталіона. Разстояніе до колодцевъ оказалось девять верстъ.

На Алты-кудукъ нашлось пять колодцевъ (*), изъ которыхъ четыре съ водою. Рѣшено было передвинуть отрядъ на Алты-кудукъ. Въ началѣ перваго часа ночи на 3-е мая отрядъ поднялся съ мѣста привала и двинулся прямо на сѣверъ, въ перпендикулярномъ направленіи къ первоначальному пути.

Отсутствіе не только какой бы то ни было дороги, даже тропинки, дѣлало переходъ на колодцы крайне труднымъ. Непрерывные песчаные подъемы и спуски значительной крутизны, косогоры, мѣстами кочки,—все это сильно утомляло людей, а въ особенности артилерію.

(*) Хотя названіе Алты (шесть)-кудукъ показываетъ, что тутъ должны быть шесть колодцевъ, но во время стоянки Туркестанскаго отряда найдено ихъ всего пять, изъ которыхъ собственно съ водою четыре, а пятый былъ засыпанъ.

Не смотря на то, что всѣ орудія тянулись на лямкахъ, они едва дотащились, а одно орудіе стало и было везено съ помощью пѣхоты. Верблюды также падали, хотя и въ значительно меньшей пропорціи, чѣмъ наканунѣ. Авангардъ подошелъ къ колодцамъ въ пять часовъ утра, пройдя разстояніе девять верстъ въ четыре часа; арьергардъ же пришелъ на мѣсто бивака только въ девять часовъ утра, проведя восемь часовъ подъ ружьемъ и работая все это время возлѣ верблюдовъ и отставшаго орудія.

Вслѣдствіе невзгодъ, перенесенныхъ войсками на колодцахъ Алты-кудукъ, много было рѣчи о томъ: слѣдовало ли отряду перейти на эти колодцы, или же было бы лучше продолжать движеніе прямо къ Аму-дарьѣ? Первый день по приходѣ на Алты-кудукъ, дѣйствительно казалось, что отрядъ напрасно зашелъ на эти колодцы; но, спокойно обсуждая положеніе, въ какое были поставлены войска на привалѣ 2-го мая, не трудно убѣдиться въ противномъ. И дѣйствительно: при дальнѣйшемъ движеніи, еще одно непредвидѣнное замедленіе, подобное тому, какое случилось 2-го числа, и отрядъ могъ быть поставленъ въ безвыходное положеніе. Кто же могъ поручиться за невозможность такого положенія! Верблюды, падавшіе въ такомъ большомъ количествѣ на первыхъ 20-ти верстахъ отъ Адамъ-крылгана, откуда они вышли сравнительно съ болѣе свѣжими силами, не могли вдругъ, безъ всякой благопріятной къ тому причины, оправиться и бодро продолжать движеніе къ р. Аму; нельзя было также думать, чтобы артилерійскія лошади, напоенныя какъ слѣдуетъ на Адамъ-крылганѣ и съ большимъ трудомъ дотащившія орудія до привала, не получая воды, стали бы сильнѣе послѣ тяжелаго марша; наконецъ, и сами люди, сытые и вдоволь напившіеся воды на Адамъ-крылганѣ, утромъ 2-го числа, при существовавшей жарѣ, страшно утомились, страдали отъ жажды и нуждались въ водѣ въ такомъ количествѣ, какое необходимо для восстановленія силъ; а между тѣмъ, наличный запасъ ея приходилось растянуть на три дня. Ясно, что, имѣя опытомъ двухмѣсячный походъ по степи, никто не могъ надѣяться, чтобы вода изъ четырехъ глубокихъ, узкихъ и кривыхъ колодцевъ на Алты-кудукъ достала на всѣ потребности 12-ти ротъ, 1½ батареи и сотни.

Движеніе на Алты-кудукъ имѣло лишь цѣлью нѣсколько освѣжить отрядъ и, на сколько возможно, пополнить израсходованную воду. Къ сожалѣнію, какъ увидимъ, и послѣднее оказалось невыполнимымъ.

Колодцы Алты-кудукъ расположены среди лабиринта песчаныхъ холмовъ, въ двухъ группахъ: въ первой имѣются два колодца, изъ

которыхъ одинъ особенно обилень водою, въ другомъ воды было меньше и, кромѣ того, дно его было завалено бревнами и кустами, что еще болѣе уменьшало толщину слоя воды.

Возлѣ колодцевъ этихъ расположился отрядъ; недалеко отъ перваго—главная квартира.

Въ другой группѣ, удаленной отъ первой на разстояніе версты, было два колодца: въ первомъ изъ нихъ, ближе къ биваку, воды было немного; второй—непріятель засыпалъ. Тотчасъ было приступлено къ расчисткѣ этого послѣдняго полувзводомъ саперной роты, остановленнымъ у заваленнаго колодца. Оказалось, что туркмены устроили хитрость. Не желая уничтожить колодца, отрывка котораго требуетъ, при значительной глубинѣ грунтовой воды, большихъ работъ, они перебрали его середину сучками, а сверхъ этого насыпали сажени двѣ земли, которая не доходила до верху сажень на пять. Только отъ верху колодца, сажени на три въ глубину, въ самомъ узкомъ мѣстѣ, онъ былъ одѣтъ саксауломъ. Саксаулъ отъ времени сгнилъ, покрылся плѣсенью и худо держался. Нужно было съ большою осторожностію пробираться черезъ это мѣсто, чтобы не обвалить его. Всѣ затрудненія не помѣшали саперамъ очистить колодецъ, и въ немъ оказалась прекрасная, вкусная вода (*).

Такимъ образомъ, на Алты-кудукъ нашлось всего четыре колодца. Всѣ они имѣли глубину отъ 16 до 18 сажень. Колодецъ возлѣ ставки командующаго войсками имѣлъ столько воды, сколько необходимо было для четвертой части отряда, при томъ условіи, чтобы вытаскиваніе производилось непрерывно. Въ этомъ колодцѣ вода до очистки имѣла непріятный запахъ (**). Второй колодецъ, у мѣста расположенія конной батареи, былъ не такъ обилень, какъ саперный. Въ третьемъ воды было очень мало: изъ него едва могла пользоваться сборная сотня съ лошадьми. Четвертый же, самый лучший, названный *сапернымъ*, давалъ воды около 800 ведеръ въ сутки. Изъ него впослѣдствіи пользовались саперная рота, главная квартира, лошади конной батареи и люди, находившіеся здѣсь на работѣ. Былъ еще колодецъ

(*) Колодецъ этотъ извѣстенъ былъ въ отрядѣ подъ названіемъ *сапернаго*.

(**) Колодецъ этотъ былъ въ постоянной, усиленной работѣ. Изъ него непрерывно вычерпывалась вода, которую и солдаты, и офицеры, не разбирая какого она вкуса и запаха, пили съ охотою, съ наслажденіемъ и упивались ею всласть. Даютъ знать саперамъ, что въ колодцѣ нѣтъ больше воды, что его надо вычистить. Саперы приступили къ расчисткѣ и, прежде всего, вытащили изъ колодца разложившійся трупъ собаки, съ которой туркмены, прежде чѣмъ бросить ее для русскихъ въ колодецъ, не погнушались содрать шкуру. Каково должно было быть ощущеніе тѣхъ, которые только что передъ очисткою колодца упивались водою, вычерпываемою изъ него?

обвалившійся; его пытались исправить, но безуспѣшно. О рытѣхъ новыхъ нечего было и думать; пришлось довольствоваться тѣмъ, что было.

Чтобы при такомъ маломъ числѣ колодцевъ установить, при раздачѣ воды, возможный въ подобныхъ случаяхъ порядокъ, было приказано: пополнить, прежде всего, запасъ воды, потраченный въ продолженіе предыдущаго дня, потомъ отпустить на пищу и затѣмъ уже напоить лошадей. Напоить верблюдовъ не рассчитывали. Вечеромъ 3-го мая надѣялись двинуться далѣе.

По приходѣ отряда на Алты-кудукъ, всѣ бросились къ колодцамъ. Не смотря на поставленныхъ для порядка дежурныхъ, давка была ужасная. Каждый стремился раздобыть воды хотя на чайникъ; солдаты просили ее въ крышку манерки, чтобы утолить мучившую ихъ жажду. Къ колодцу едва можно было пробраться и то затѣмъ развѣ, чтобы убѣдиться въ невозможности дожидаться очереди.

Здѣсь стоялъ такой гамъ, что трудно было что нибудь разобрать; стучали ведрами, боченками, разговаривали, кричали. По временамъ надъ всѣмъ этимъ возвышались голоса: «Александръ Васильевичъ, помилуйте, я съ главной квартиры, теперь нашъ часъ и я не могу получить ни капли. Что же это такое». — «Прочь! дать дорогу! Пропусти, говорю тебѣ!» — «Теперь получаетъ 3-й стрѣлковый баталіонъ, никому давать не приказано. Исключеній никакихъ». Отъ колодца идутъ солдаты. — «Прогнали насъ оттуда, братцы, ничего не подѣлаешь». Казакъ тащить ведро съ водою, добытою имъ, навѣрное, съ большимъ трудомъ и послѣ четырехчасоваго ожиданія. За казакомъ слѣдуютъ четыре его товарища съ чашкою и бутылкою. Отойдя подалѣе, группа остановилась; изъ ведра принялись черпать чашкой, налили бутылку; одинъ сталъ на колѣни, прильнулъ губами къ ведру и тянулъ до тѣхъ поръ, пока не оттащили. Въ ведрѣ осталось, вѣроятно, немного. Казакъ, которому принадлежало ведро, посмотрѣлъ въ него, покачалъ головою и пошелъ далѣе, зная, что не раздобудетъ болѣе ни капли. Немного въ сторонѣ, солдаты несутъ боченокъ, привязанный къ лѣсенкѣ. Это вода, запасенная еще, вѣроятно, въ укрѣпленіи св. Георгія. Боченокъ отвязали отъ лѣсенки, поставили на землю и обступили кружкомъ. Идетъ раздача воды въ манерки. Каждый, получивъ свою порцію, осторожно несетъ къ себѣ въ палатку. Оставшіеся у боченка лижутъ его дно, смоченное драгоценною влагою. А между тѣмъ, солнце, подымаясь по чистому, безоблачному небу все выше и выше, начинаетъ сильно припекать. По временамъ, пахнетъ зноемъ съ востока, пронесется столбъ пыли, сры-

вающей на своемъ пути палатки и поднимающей на воздухъ кошмы; но пронеслась пыль, заставшая на минуту лагерь, и опять та же картина: голые песчаные барханы, разбросанные по нимъ палатки и рядкомъ стоящіе солдатскіе походные шатры, кучи людей у колодцевъ...

У колодца, расположеннаго южнѣ перваго, во второй группѣ, было еще многолюднѣе. Тамъ начальникъ отряда, генераль-маіоръ Головачевъ, былъ встрѣченъ лаучами, стоявшими на колѣняхъ и просившими воды. Положеніе этихъ несчастныхъ было такъ ужасно, какъ только можно себѣ представить. Между людьми тѣснились лошади, которыя положительно нападали на каждое ведро, проносимое близко около нихъ. Ни одна изъ нихъ не была напоена. Къ усугубленію труднаго положенія, вдругъ съ Халъ-ата налетѣла вся кавалерія, которой, какъ припомнимъ, было предписано выступить оттуда съ такимъ расчетомъ, чтобы она нагнала отрядъ на половинѣ пути отъ Адамъ-крылгана до Учъ-учака. Кавалерія не могла, конечно, знать о постигшихъ отрядъ неудачахъ, а потому, исполняя приказаніе, она нагнала войска 3-го мая. Послѣ небольшого привала, ей было приказано возвратиться на Адамъ-крылганъ.

Въ четыре часа пополудни командующій войсками собралъ къ себѣ генераловъ, начальниковъ частей, офицеровъ генеральнаго штаба и другихъ болѣе опытныхъ лицъ въ отрядѣ. Когда всѣ сошлись, командующій войсками открылъ совѣщаніе, приблизительно такими словами: «Господа, я собралъ васъ въ эту трудную минуту не на военный совѣтъ, члены котораго несутъ отвѣтственность за принятое рѣшеніе; отвѣчать за все передъ Богомъ, Государемъ и отечествомъ буду одинъ я; собралъ же васъ лишь для того, чтобы выслушать мнѣніе каждого и, основательно познакомясь самому съ положеніемъ каждой отдѣльной части, относительно воды, поставить и васъ въ извѣстность объ общемъ положеніи дѣлъ. Прошу васъ, поэтому, точно доложить мнѣ: сколько въ настоящую минуту, въ каждой части имѣется въ запасъ воды, а затѣмъ, я желалъ бы выслушать ваши мнѣнія, отдѣльно, о томъ, что намъ въ данномъ положеніи предстоитъ дѣлать?»

По выслушаніи докладовъ и всѣхъ мнѣній, командующій войсками рѣшилъ, ночью съ 3-го на 4-е мая, выступить далѣе съ частью отряда на-легкѣ, оставивъ на Алты-кудукъ всѣ тяжести и при нихъ четыре роты и одинъ дивизіонъ конной батарей.

Согласно этого рѣшенія, тутъ же даны были начальнику отряда соотвѣтствующія приказанія. Выступление было назначено въ часъ по полуночи, а подъемъ—трубить за часъ, въ двѣнадцать часовъ ночи.

Насталъ вечеръ.

Все та же работа, все тѣ же раздирающія сцены у колодцевъ. Стали носиться по лагерю разные слухи: тамъ двое лаучей умерло отъ жажды, восемь человѣкъ ихъ перебѣжало къ непріятелю, для того лишь, чтобы спастись отъ страшной смерти; нѣсколько солдатъ будто бы заболѣло отъ жажды и т. п. Изъ всего этого оказалось правдою только то, что одинъ лаучъ былъ дѣйствительно близокъ къ смерти отъ жажды, но былъ спасенъ нѣсколькими каплями воды, и что одинъ солдатъ 2-го баталіона заболѣлъ отъ жажды на часахъ, также безъ всякихъ послѣдствій. Какъ бы то ни было, но въ положеніи отряда было мало отраднаго.

Къ вечеру 3-го числа оказалось, что запасъ, потраченный наканунѣ, не только не пополненъ, но еще болѣе израсходованъ. Во многихъ частяхъ люди получили въ продолженіе дня всего по одной чаркѣ воды, въ конной артилеріи только 16 лошадей были напоены, и то по одному ведру. Двигаться впередъ не было возможности. Оставалась надежда, что ночью сдѣлаютъ то, что не успѣли сдѣлать днемъ. Многіе ложились спать съ очень тяжелыми мыслями, сознавая, что наступаетъ минута серьезнаго испытанія. Большинство не пило чая, чтобы сохранить воду на безводные переходы до Аму.

Турсуки, боченки и баклаги тщательно охранялись владѣльцами. Предосторожность эта далеко была не лишняя (*).

Въ 10-мъ часу вечера, колоновожатый отряда, подполковникъ Аминовъ, доложилъ генераль-маіору Троцкому, что выходъ отряда, въ темнотѣ, на большую дорогу, по неровной мѣстности, изрѣзанной барханами, будетъ крайне затруднителенъ; можно было даже заблудиться между песчаными барханами; что всѣ проводники отряда находятся въ ужасномъ положеніи, страдая отъ жажды и, не смотря на ихъ испытанную преданность русскимъ, просить уволить отъ исполненія обязанностей и отпустить домой. Во всякомъ случаѣ, проводники совѣтовали обождать разсвѣта и не выступать ночью. Баронъ Аминовъ добавилъ къ этому, что положеніе дѣла съ водою въ войскахъ весьма плохо, и что по этому выступать далѣе, даже съ незначительнымъ отрядомъ, невозможно.

Имѣя въ виду все вышеизложенное, генераль-маіоръ Троцкій поручилъ полковникамъ Жилинскому и Николаеву, подполковнику ба-

(*) У одного офицера лошадь ночью вырвала въ турсукѣ кусокъ кожи; проснушіеся люди прогнали незваную гостью, завязали образовавшуюся въ турсукѣ дыру и снова легли спать. Не успѣли они уснуть, какъ на оставшуюся въ разорванномъ турсукѣ воду было сдѣлано новое покушеніе, на этотъ разъ, со стороны двуногого.....

рону Каульбарсу, камеръ-юнкеру Щербинскому, штабсъ-капитану Иванникому и подпоручику Эверту обойти колодцы и доставить немедленно же точныя данныя о состояніи воды въ частяхъ.

Около 11-ти часовъ, названные лица возвратились. Свѣдѣнія, доставленные ими, были такого рода, что, дѣйствительно, цѣльзи было отважиться на дальнѣйшее выступленіе, даже на-легкѣ, какъ это было рѣшено.

Съ полученными данными генераль-маіоръ Троцкій отправился къ ставкѣ командующаго войсками, чтобы доложить объ нихъ генераль-адъютанту фонъ Кауфману; но, подходя къ ставкѣ, начальникъ штаба встрѣтился съ Его Императорскимъ Высочествомъ Княземъ Евгеніемъ Максимиліановичемъ и съ подполковникомъ Полторацкимъ.

Въ томъ положеніи, въ которомъ находился отрядъ къ ночи съ 3-го на 4-ое мая, весьма понятно и естественно, что каждый въ отрядѣ, частью изъ чувства самосохраненія, главнымъ же образомъ по чувству долга, считалъ своею нравственною обязанностью интересоваться положеніемъ дѣла. Оказалось, что и Его Высочество Князь Евгеній Максимиліановичъ говорилъ съ подполковникомъ Полторацкимъ именно о предметѣ, столь сильно всѣхъ занимавшемъ. Начальникъ штаба передалъ имъ имѣвшіеся у него свѣдѣнія и на эту тему завязались между ними разговоръ и сужденія. Такъ какъ вести подобный разговоръ у ставки командующаго войсками начальникъ штаба признавалъ неудобнымъ, то онъ и предложилъ Его Императорскому Высочеству и подполковнику Полторацкому перейти въ ближайшую юрту сего послѣдняго. Продолжая тамъ обсуждать дѣло, упомянутыя три лица пришли къ заключенію, которое, сформулированное въ окончательномъ видѣ начальникомъ штаба, состояло въ слѣдующемъ: «оставивъ на Алты-кудукѣ всѣ тяжести отряда, орудія безъ лошадей и большую часть войскъ, отправить назадъ на Адамъ-крылганъ всѣхъ лошадей и верблюдовъ, на которыхъ навьючить только пустую, опорожнившуюся изъ подъ воды посуду. Этотъ транспортъ изъ верблюдовъ и лошадей послать на Адамъ-крылганъ, подъ прикрытіемъ небольшой части войскъ, въ составѣ которыхъ должны быть саперы, специально для отрытія тамъ возможно большаго числа колодцевъ. Колонну эту оставить на упомянутомъ урочищѣ столько времени, сколько требуется для того, чтобы лошади и верблюды хорошо напоились и подкормились и чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, люди успѣли наполнить водою всю взятую съ Алты-кудука пустую посуду. По исполне-

ни этого, транспортная колонна должна возвратиться на Алты-кудукъ и тогда отрядъ немедленно поднимается съ этихъ послѣднихъ колодцевъ и слѣдуетъ далѣе къ Аму-дарьѣ». Прежде чѣмъ доложить изложенный проектъ командующему войсками, генераль-маіоръ Троцкий пригласилъ къ себѣ офицеровъ, собиравшихъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ съ водою въ войскахъ, и изложилъ имъ вышеприведенное предположеніе. По единогласному заявленію этихъ лицъ, они признали проектъ исполнѣ цѣлесообразнымъ. Тогда начальникъ штаба отправился къ командующему войсками и представилъ ему все дѣло, какъ оно изложено выше.

Генераль-адъютантъ фонъ Кауфманъ, одобривъ мысль, доложенную ему начальникомъ штаба, приказалъ генералу Троцкому тотчасъ же собрать къ своей ставкѣ всѣхъ начальниковъ частей. Былъ уже 12-й часъ въ исходѣ, а въ полночь, по первоначальному предположенію, у палатки начальника отряда долженъ былъ быть данъ сигналъ подъема. Въмѣсто этого сигнала протрубили «сборъ начальниковъ частей». Передъ окончательнымъ рѣшеніемъ, командующій войсками желалъ самъ удостовѣриться въ дѣйствительномъ положеніи дѣла, сообщить начальнику отряда и командирамъ отдѣльныхъ частей доложенное ему начальникомъ штаба предположеніе, и выслушать ихъ мнѣнія по этому поводу. Когда всѣ начальники частей собрались, генераль-адъютантъ фонъ Кауфманъ лично распросилъ каждого изъ нихъ о количествѣ находившейся въ запасѣ воды. Обсудивъ затѣмъ вопросъ о томъ, на какое число войскъ достанетъ воды въ колодцахъ Алты-кудукъ, судя по ходу добыванія ея въ продолженіе дня 3-го мая, командующій войсками, утвердивъ проектъ начальника штаба, отдалъ тутъ же всѣ соотвѣтствующія приказанія.

Излишне говорить о томъ, что вышеприведенная мысль была наиболѣе практичною. Раздѣленіемъ отряда уменьшалось количество воды, потребное на Алты-кудукъ, почему можно было исполнѣ надѣяться, что остающіяся здѣсь войска будутъ обезпечены водою, добытою изъ этихъ колодцевъ. Отправляемые же на Адамъ-крылганъ лошади и верблюды могли быть всѣ до-сыта напоены, а въ теченіе нѣсколькихъ дней отдыха тамъ, покуда не выроютъ новыхъ колодцевъ и не наполнятъ сосуды, они могли хотя немного возстановить свои силы.

Войска, оставшіяся на Алты-кудукъ, выступивъ съ этихъ колодцевъ, тотчасъ же по возвращеніи съ Адамъ-крылгана колонны съ верблюдами и лошадьми, могли тронуться далѣе къ Аму-дарьѣ съ полнымъ запасомъ воды. Отправленіемъ только части войскъ назадъ

на Адамъ-крылганъ, оставляя большую ихъ массу на мѣстѣ, мы въ глазахъ непріятеля, не смотря на трудное положеніе, не отступали ни на одинъ шагъ: обстоятельство весьма важное въ войнѣ съ средне-азіятцами.

Вообще ночь съ 3-го на 4-е мая была самая памятная; на колодцахъ кипѣла непрерывная работа и до самого утра здѣсь раздавались крики, приказанія, стукъ ведеръ, плескъ наливаемой въ бочки воды. Все это, среди ночной тишины, производило необычайное впечатлѣніе, еще болѣе тяжелое чѣмъ днемъ.

Съ разсвѣтомъ на 4-е мая отправлены были, на колодцы Адамъ-крылганъ, лошади и верблюды, на которыхъ навьючили пустые сосуды. Въ прикрытіе къ нимъ назначены были двѣ роты 4-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, рота 8-го линейнаго баталіона и часть саперной роты. Начальство надъ этою колонною было поручено генераль-маіору Бардовскому, завѣдываніе же вьючнымъ обозомъ полковнику Голову.

Въ лагерѣ оставлено было только по одной лошади у командующаго войсками, начальника отряда, начальника штаба, командировъ батарей и у офицеровъ генеральнаго штаба, на случай рекогносцировокъ, а также половина конвойной сотни командующаго войсками, для развѣздовъ.

По уходѣ генерала Бардовскаго, положеніе на Алты-кудукъ стало замѣтно улучшаться. Колодцы распредѣлили по частямъ войскъ; указали время, когда кто изъ нихъ можетъ пользоваться; назначили дежурныхъ (*), которые съ утра до ночи стояли у колодцевъ и слѣдили за правильнымъ расходомъ воды; время отъ времени колодцы чистились, безъ чего добываніе воды крайне замедлялось. Не смотря на все это, первый день (4-го числа) еще многіе жаловались на недостатокъ воды. Причина тому заключалась въ большой глубинѣ, съ которой добывалась вода, малой широтѣ колодцевъ и ихъ кривизнѣ; на примѣръ, саперный колодецъ имѣлъ, какъ уже замѣчено, 17½ сажень глубины, такъ что на верху не слышно было, что говорилось человѣкомъ, сидящимъ на днѣ. Вслѣдствіе этого пришлось на половинѣ глубины, въ уширеніи, гдѣ образовалась ниша, посадить еще рабочаго, для передачи распоряженій отъ нижнихъ рабочихъ къ верхнимъ и обратно. Внизу обыкновенно садилось двое; къ нимъ опускались два, три турсука, которые поочередно наполнялись и поднимались рабочими, стоявшими на поверхности земли. Веревка,

(*) У «сапернаго» колодца дежурили по очереди всѣ штабъ и оберъ-офицеры главной квартиры.

служившая для поднятія турсуковъ, перекладывалась черезъ блокъ. На днѣ колодца и на срединѣ его глубины работали саперы, остальные рабочіе (вытаскивавшіе и принимавшіе турсуки) назначались отъ частей войскъ.

5-го мая приказано было поставить у колодцевъ понтоны, съ тѣмъ, чтобы въ нихъ, въ продолженіе ночи, дѣлать запасъ воды. Мѣра эта оказалась весьма полезною.

Устройствомъ этихъ резервуаровъ достигалось, между прочимъ, и правильное, равномерное распределеніе воды. Распоряжаясь раздачею воды изъ этихъ водоемовъ, дежурные по колодцамъ могли точно и аккуратно выдавать каждому сколько ему дѣйствительно слѣдовало, чего ни какимъ образомъ нельзя было достигнуть при прежнемъ способѣ, когда вода раздавалась изъ тѣхъ же турсуковъ и прочихъ разнокалиберныхъ сосудовъ, которыми она вычерпывалась изъ колодцевъ. Въ этомъ отношеніи кауфманки очень намъ пригодились; онѣ сослужили большую службу отряду на Алты-кудукѣ: шумъ и гамъ у колодцевъ, мало-по-малу, прекратились; уже не видно было измученныхъ, блѣдныхъ лицъ, шатающихся по лагерю съ пустыми ведрами и манерками.

Вода раздавалась по списку, въ которомъ было отмѣчено: кому и сколько ведеръ слѣдуетъ получать ежедневно. Первоначальный расчетъ былъ сдѣланъ слишкомъ въ обрѣзъ: полведра на человѣка и ведро на лошадь. Между тѣмъ, у нѣкоторыхъ (преимущественно у лицъ главной квартиры) было по два человѣка прислуги, на которыхъ воды не отпускалось. Потомъ оказалось возможнымъ увеличить дачу. Вопіющая нужда значительно уменьшилась, но о томъ, чтобы помыть лицо, нельзя было и мечтать (*).

Работа у колодцевъ продолжалась цѣлый день; она прерывалась лишь необходимостію смѣнить людей, работающихъ внутри трубы, въ особенности на днѣ, у самой воды (**), а также необходимостію разчистить колодезь и дать скопиться водѣ.

Командующій войсками, начальникъ отряда и начальникъ полевого

(*) Только одинъ очень изобрѣтательный человѣкъ, известный своею находчивостію въ подобныхъ случаяхъ, придумалъ весьма остроумный способъ: налить ведро водою, назначенною для питья лошади, помыться въ ней и затѣмъ отдать воду по принадлежности.

(**) Внизу скоплялось большое количество газовъ, вредныхъ для дыханія; отъ этихъ газовъ у людей кружилась голова, и они требовали освѣженія. Одинъ изъ саперныхъ офицеровъ сталъ надувать опускаемые турсуки, съ помощью кузнечнаго мѣха, и, такимъ образомъ, внизъ сразу опускался значительный запасъ чистаго воздуха. Мѣра эта оказалась вполне рациональною.

штаба по нѣскольку разъ въ день обходили колодцы, повѣряя исполненіе данныхъ приказаній.

Такая борьба изъ-за насущной потребности была крайне тяжела. Она требовала большого напряженія нравственныхъ и физическихъ силъ офицера и солдата. Остаться при такой обстановкѣ твердыми въ исполненіи обязанностей и бодрыми, вотъ задача, которая могла быть выполнена только людьми, свято преданными своему долгу и вѣрными присягѣ Государю и отечеству.

Дисциплина въ войскахъ ни на минуту не поколебалась; въ этой трудной, неравной борьбѣ съ суровою природою, духъ войскъ еще болѣе окрѣпъ. Мучимые жаждою и усталостію, офицеры и солдаты аккуратно и добросовѣстно исполняли всѣ служебные наряды, не забывая никогда и соблюденія обыкновеннаго воинскаго приличія: отдавая чести проходящему начальнику.

Среди взволнованнаго моря песковъ, не покрытыхъ никакою растительностію, подъ жгучимъ солнцемъ, жаръ котораго не умѣрялся даже легкимъ дуновеніемъ вѣтра, въ неопредѣленномъ разстояніи отъ Аму, вольной воды, которая должна была положить конецъ всѣмъ невзгодамъ, солдаты скоро освоились съ Алты-кудукомъ и многіе принялись за обыденныя занятія.

Проходя по биваку 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, командующій войсками увидѣлъ картину, не лишенную интереса: возлѣ палатки сидѣли три солдата, занимавшіеся плетеніемъ сѣти. При проходѣ мимо ихъ главнаго начальника, солдаты вскочили на ноги, вытянулись въ струнку и взяли подъ козырекъ. «Что это вы тутъ дѣлаете, ребята?» спросилъ ихъ командующій войсками. — «Сѣти плетемъ, ваше превосходительство». — «Зачѣмъ?» — «Вотъ ужъ какъ выйдемъ на Аму-дарью, такъ рыбку будемъ ловить, ваше превосходительство (*).

5-го числа, около полудня, прибыли съ Адамъ-крылгана два бухарскіе джигиты, посланные къ Иссамединъ-мирахуру съ письмами отъ бухарскаго эмира. Джигиты увѣряли, что они хорошо знаютъ предстоящую дорогу, и что все разстояніе отъ Адамъ-крылгана до Учъ-учака восемь бухарскихъ ташъ, т. е. 64 версты (**).

(*) 2½ мѣсячное странствованіе степью по колодцамъ, причемъ вода выдавалась не иначе какъ мѣрою, вызвало у солдатъ Туркестанскаго отряда названіе рѣки Аму «вольною водою». Въ первый же день выхода нашего на эту «вольную воду», солдаты 4-го баталіона употребили въ дѣло заготовленные ими на Алты-кудукѣ невода, и къ вечеру 11-го мая наловили довольно много аму-дарьинской рыбы.

(**) Цифра эта оказалась вполнѣ совершенно вѣрною.

Колонна генераль-маіора Бардовскаго прибыла на Адамъ-крылганъ 4-го числа, въ шесть съ половиною часовъ вечера, сдѣлавъ на половинѣ дороги трехчасовой привалъ (*).

Верблюдовъ на дорогѣ пало много, не смотря на то, что они шли безъ व्यюковъ; пало и нѣсколько заводныхъ лошадей. Семнадцатъ вырытыхъ прежде на Адамъ-крылганѣ колодцевъ, къ приходу туда колонны генераль-маіора Бардовскаго, оказались цѣлыми. Тотчасъ было приступлено къ рытью новыхъ колодцевъ и, къ вечеру 5-го числа ихъ уже было вырыто 33 (**). 6-го числа было вырыто еще десять колодцевъ, такъ что всего на Адамъ-крылганѣ было уже 60 колодцевъ.

Первое извѣстіе въ лагерь на Алты-кудукъ о приходѣ колонны Бардовскаго на Адамъ-крылганъ было получено съ прѣхавшими въ отрядъ бухарскими джигитами, привезшими записку, писанную по приказанію генераль-маіора Бардовскаго. Второе донесеніе получено въ четыре часа ночи, съ 5-го на 6-е мая. Въ немъ говорилось, что 5-го числа казаки, отправившіеся въ поле за травой, нашли въ пескѣ, недалеко отъ Адамъ-крылгана, свертокъ съ конвертами, отпавленными въ отрядъ изъ укрѣпленія св. Георгія (***)

Въ числѣ конвертовъ находился и рапортъ полковника Веймарна, въ которомъ онъ доносилъ о благополучномъ прибытіи транспорта Гринвальда на Халъ-ата 3-го мая и о предстоящемъ выступленіи его, согласно приказанія, на Адамъ-крылганъ 6-го числа.

Между тѣмъ, въ полдень, 5-го мая, показалась около Адамъ-крылгана партія туркменовъ, отъ которой отдѣлилось нѣсколько человѣкъ и направилось къ верблюдамъ, находившимся на пастбищѣ. Прикрытіе немедленно заняло близлежащій барханъ. Замѣтивъ это, туркмены поспѣшно удалились и присоединились къ своей партіи, державшейся все время внѣ выстрѣловъ. На дальнемъ барханѣ виднѣлся непріятельскій пикетъ. Шесть верблюдовъ съ лаучемъ, принадлежавшихъ бухарскому посланнику Иссамедину-мирахуру, удалились отъ общаго пастбища на значительное разстояніе и попались въ руки непріятеля. Полагали тогда, что лаучъ самъ передался непріятелю.

Ночь на 6-е мая прошла спокойно; но около четырехъ часовъ утра, близъ Адамъ-крылгана снова показались туркмены, и въ раз-

(*) Разстояніе отъ Алты-кудука до Адамъ-крылгана оказалось 25 верстъ.

(**) 19 прѣсныхъ и 14 нѣсколько солоноватыхъ.

(***) Такъ и осталось не разслѣдованнымъ, какъ попалъ туда этотъ свертокъ; надо полагать, что везшій его джигитъ, въ виду бродившей около Адамъ-крылгана туркменской засады, бросилъ бумаги въ песокъ, чтобы, въ случаѣ встрѣчи съ шайкою, не быть по нимъ уличеннымъ, что онъ служитъ русскимъ.

сыпную начали нападать на лагерь съ южной и западной сторонъ; съ каждой видно было человѣкъ до двухсотъ. Генераль-маіоръ Бардовскій, поднявъ, безъ тревоги, отрядъ, послалъ скрытно по барханамъ, противъ нападавшихъ съ юга, взводъ 2-й роты 4-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, а противъ непріятеля, нападавшаго съ запада, взводъ стрѣлковой роты 8-го линейнаго баталіона. Взводы эти, разсыпавъ цѣпи, наступали впередъ по барханамъ, шаговъ на 800 отъ бивака.

Туркмены бросились на барханы, но были отбиты огнемъ стрѣлковъ. Къ партіи стали прибывать новыя подкрѣпленія, тогда генераль Бардовскій усилилъ выдвинутыя части другими взводами тѣхъ же ротъ. Для связи между дѣйствовавшими впереди частями была послана команда 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго и полувзводъ 1-й роты 4-го стрѣлковаго баталіоновъ. Начальство надъ всѣми выдвинутыми противъ непріятеля частями было поручено подполковнику Омельяновичу.

Непріятель снова бросился въ атаку. Первые усиленные нападенія начались противъ стрѣлковой роты 8-го линейнаго баталіона, но каждый разъ непріятель былъ отбиваемъ съ большимъ урономъ, такъ что даже не успѣвалъ подбирать своихъ раненыхъ. 2-й ротѣ 4-го стрѣлковаго баталіона пришлось дѣйствовать на болѣе высокихъ барханахъ, очень трудныхъ для движенія; тѣмъ не менѣе, выстрѣлы ея производили свое дѣйствіе: какъ только непріятельскіе всадники выскакивали изъ-за бархановъ, за которыми скрывалась главная ихъ масса, они были выбиваемы изъ сѣдла, или же подъ ними подбивали лошадей (*).

Убѣдясь въ бесполезности атакъ на эти пункты лагеря, непріятель началъ собираться къ правому флангу своего расположенія, гдѣ, какъ видно было, стоялъ ихъ начальникъ съ бѣлымъ значкомъ. При этомъ, часть хивинцевъ, дѣйствовавшихъ противъ праваго фланга позиции, обскакала въ разсыпную лѣвый флангъ 2-й роты, закрываясь барханами, а въ тоже время другая ихъ часть, изъ-за тѣхъ же бархановъ, открыла сильный ружейный огонь. Не смотря на то, что 2-я рота была удалена отъ лагеря на 800 шаговъ, непріятельскія пули ложились въ самомъ бивакѣ. Перестрѣлка, такимъ образомъ, продолжалась около двухъ съ половиною часовъ, а между тѣмъ, пока непріятель находился въ такомъ близкомъ разстояніи, нельзя было пустить на пастбище верблюдовъ и лошадей. Чтобы прогнать шайку, генераль Бардовскій направилъ въ обходъ ея, съ лѣваго фланга, 3-ю

(*) Здѣсь, послѣ дѣла, было найдено много убитыхъ лошадей.

Уральскую и 12-ю Оренбургскую казачьи сотни съ дивизиономъ ракетной батареи, подъ командою подполковника Главацкаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послалъ приказаніе 2-й ротѣ 4-го баталіона сбить съ бархановъ засѣвшаго за ними непріятеля. Подполковникъ Главацкій, построивъ вѣт лагеря, на солончакѣ, сотни, выдвинулъ ракетный дивизионъ въ карьеръ на ближайшую къ непріятелю дистанцію. Пущенныя изъ дивизиона три ракеты разсѣли противника. Но онъ снова собрался и готовился къ сопротивленію. Тогда подполковникъ Главацкій двинулъ сотни впередъ рысью. Непріятель снова разсѣлся. Подполковникъ Главацкій, разсыпавъ наѣзтниковъ, завязалъ съ непріятелемъ перестрѣлку. Въ это же время къ кавалеріи примкнули команда 1-го и 2-я рота 4-го стрѣлковыхъ баталіоновъ и, пристроившись къ лѣвому ея флангу, вмѣстѣ преслѣдовали непріятеля около четырехъ верстѣ. Непріятельскіе всадники безпрестанно соскакивали съ лошадей, подбирая раненыхъ. По всему пути отступленія шайки валились окровавленныя тряпки и вата.

Пройдя четыре версты, когда быстро уходившій непріятель былъ уже вѣт нашихъ выстрѣловъ, подполковникъ Главацкій прекратилъ преслѣдованіе; войска возвратились въ лагерь, куда и прибыли въ 8½ часовъ утра.

Вся перестрѣлка продолжалась около четырехъ часовъ. Непріятель, по собраннымъ вполѣдствіи свѣдѣніямъ, понесъ значительный уронъ, особенно въ лошадяхъ. Съ нашей стороны потери не было никакой; выпущено 516 патроновъ и три ракеты.

Во время дѣла въ лагерь явился перебѣжчикъ. Страшныя мученія отъ жажды преодолѣли въ немъ фанатизмъ. Первое слово, сказанное имъ среди русскихъ, было: «су» (воды). Перебѣжчикъ сообщилъ, что нападвшая партія Садыка состояла изъ 200 человекъ киргизовъ и столькихъ же туркменовъ. За партіей шло 200 верблюдовъ, навьюченныхъ водою; въ послѣдней партіи терпѣла большой недостатокъ. Съ 4-го на 5-е число Садыкъ ночевалъ съ своею шайкою въ восьми верстахъ отъ Адамъ-крылгана. Здѣсь же отъ захваченнаго бухарскаго лауча Садыкъ узналъ, что на Адамъ-крылганѣ стоитъ русскій отрядъ, всего въ 150 человекъ, прикрывающій массу верблюдовъ. Случай былъ соблазнительный, и Садыкъ рѣшился напасть на русскихъ. Потомъ оказалось, что изъ партіи Садыка лишь половина людей вернулась въ учъ-учакскій лагерь, и то почти все пѣшкомъ, полумертвые отъ жажды; остальные разбѣжались и многіе погибли отъ ранъ, а еще болѣе отъ недостатка воды. Всѣ верблюды и большинство лошадей были брошены по дорогѣ, во время быстрого

отступленія (*). Люди, участвовавшіе въ набѣгѣ Садыка, распространили своими разсказами страхъ между хивинскими войсками, собранными на Учъ-учакѣ. Они говорили, что «если бы русскіе преслѣдовали, то ни одинъ бы изъ насъ не вернулся».

Но русскимъ не было времени заниматься преслѣдованіемъ ничтожной партіи Садыка; они были заняты болѣе важнымъ дѣломъ: подготовленіемъ окончательнаго передвиженія отряда къ Аму-дарьѣ.

Заготовленіе воды на Адамъ-крылганѣ шло успѣшно. 6-го числа прибыла изъ Халъ-ата на Адамъ-крылганъ 5-я Семирѣченская сотня войскового старшины Гринвальда, высланная полковникомъ Веймарномъ съ запасами провіанта и фуража. Верблюды, пришедшіе съ Гринвальдомъ, были отправлены назадъ на Халъ-ата, подъ конвоемъ 17-й Оренбургской сотни. Свѣжій провіантъ былъ принятъ отъ войскового старшины Гринвальда, и лошади значительно успѣли поправиться. Верблюды, конечно, также немного отдохнули и подкормились; но главное, напились воды какъ слѣдуетъ.

8-го мая, въ три часа по полудни, колонна генералъ-маіора Бардовскаго выступила обратно съ Адамъ-крылгана на Алты-кудукъ. Кавалеріи было приказано оставаться пока на этихъ колодцахъ и выступить съ нихъ уже прямо на Учъ-учакъ, 10-го числа, т. е. день спустя по выступленіи главной колонны съ Алты-кудука, съ такимъ расчетомъ, чтобы догнать ее передъ самымъ выходомъ колонны къ озеру Сардаба-кулю.

Между тѣмъ, положеніе войскъ на Алты-кудукѣ было то же, какое установилось къ вечеру 4-го числа: добывали воду, экономно ее расходовали и ждали. Днемъ, какъ уже сказано, было все время очень жарко; ночью нельзя было зажечь свѣчки, такъ какъ къ ней, въ самомъ непродолжительномъ времени, налетала туча ночныхъ бабочекъ; онѣ мѣшали пить чай, ѣсть, а писать было невозможно. Кроме того, приходилось опасаться фалангъ, которыя обыкновенно ползутъ на огонь.

Медленно тянулись часы за часами. Къ вечеру все немного оживали.

Съ третьяго же дня, по вечерамъ, у ставки командующаго войсками устраивался «клубъ». Идя въ клубъ, каждый долженъ былъ нести съ собою бутылку воды. Чаю, конечно, гостямъ клуба не полагалось. Всѣ сходились вмѣстѣ, бесѣдовали, задѣвая, конечно, и

(*) При движеніи головной колонны туркестанскихъ войскъ 9-го, 10-го и 11-го мая къ Аму, на пути весьма часто попадались трупы лошадей и верблюдовъ, брошенныхъ партіею Садыка.

дѣло; здѣсь рѣшались нѣкоторые вопросы и, между прочимъ, ставился столъ, за который садились любители ералаша.

На бивакѣ играла музыка 3-го стрѣлковаго баталіона; но ея мелодіи какъ-то странно разсѣивались въ душной, до невѣроятности сухой атмосферѣ.

Во время стоянки на Алты-кудукѣ, 5-го мая, командующій войсками произвелъ, между прочимъ, опыты стрѣльбы изъ скорострѣльных пушекъ. Результаты были весьма неудовлетворительны. Стрѣляли съ дистанціи около 200 сажень; выпущено было изъ обѣихъ пушекъ 500 пуль. Стрѣльба была неудачна, вслѣдствіе задержекъ, происходившихъ, главнымъ образомъ, отъ неправильнаго паденія пуль изъ жестянокъ въ приемникъ. При послѣдующихъ испытаніяхъ, произведенныхъ въ присутствіи начальника артиллеріи, генералъ-маіора Жарина, 6-го и 7-го мая, стрѣльба не улучшилась; причемъ въ одной пушкѣ (№ 4-го), на обѣихъ практикахъ, ломался экстракторъ. Кромѣ опытовъ надъ скорострѣльными пушками, были произведены и другіе надъ разрывомъ гранатъ. Еще до прихода на Алты-кудукъ, въ отрядѣ распространилось убѣжденіе, что гранаты съ ударною трубкою, попадая въ песчаный грунтъ, не разрываются. Чтобы опровергнуть подобное мнѣніе, 6-го мая, въ присутствіи главнаго начальника войскъ, было произведено на дистанціи въ 300 сажень по два выстрѣла гранатами съ ударной трубкой, изъ 4-хъ-фунтовой и изъ 3-хъ-фунтовой горной пушекъ, въ небольшую мишень, поставленную на склонѣ песчанаго бархана. Всѣ выпущенныя гранаты, при ударѣ въ песокъ, разорвались.

6-го числа, въ пять часовъ утра, подполковникъ баронъ Аминовъ, съ 15-ю человѣками сборной сотни, былъ отправленъ на рекогносцировку окрестностей колодцевъ, съ цѣлью отыскать, между песчаными барханами, удобнѣйшій и кратчайшій выходъ на большую дорогу, для предстоящаго движенія отряда. Верстахъ въ трехъ отъ сапернаго колодца, на югъ отъ расположенія лагеря, рекогносцировочный разъѣздъ замѣтилъ сначала одиночныхъ всадниковъ, потомъ небольшія ихъ группы. Казаки были посланы впередъ и догнали убѣгавшихъ; одного убили и сняли шашку; одного, скакавшаго въ другомъ направленіи, догналъ казакъ; туркменъ обернулся и выстрѣлилъ; пуля прошла у казака между рукой и бокомъ. Казакъ выхватилъ у стрѣлявшаго винтовку, но, услыша сборъ, преслѣдовать болѣе убѣгавшаго туркмена не сталъ. Языка, такимъ образомъ, не удалось добыть, но главная цѣль рекогносцировки была достигнута. До боль-

шой дороги оказалось восемь верстъ, причемъ путь выходилъ на нее пятью верстами далѣе того мѣста, гдѣ 2-го мая былъ привалъ.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, три нашихъ джигита наткнулись въ недалекомъ разстояніи отъ лагеря на партію туркменовъ въ 10 человѣкъ, причемъ была отбита одна туркменская лошадь.

Было очевидно, что въ окрестностяхъ лагеря бродятъ непріятельскія шайки, а такъ какъ, въ это время, отъ генерала Бардовскаго еще не было получено извѣстія о времени обратнаго его выступленія съ Адамъ-крылгана, и его ожидали, приблизительно, 8-го числа, рано утромъ, то, вечеромъ 7-го мая, на встрѣчу отряда генерала Бардовскаго были посланы къ большой дорогѣ двѣ роты, подъ начальствомъ подполковника Чайковскаго. Но такъ какъ отрядъ генерала Бардовскаго 8-го числа не прибылъ, то роты Чайковскаго возвратились утромъ того же числа въ лагерь.

Въ этотъ же день прибылъ въ лагерь одинъ лазутчикъ, посланный генералъ-маіоромъ Головачевымъ къ Сардаба-кулю. Лазутчикъ доставилъ подробныя свѣдѣнія о непріятелѣ, ждавшемъ насъ на Учъ-учакѣ. По его показаніямъ, у хивинцевъ, собранныхъ тамъ, имѣлось: 1,500 сарбазовъ (регулярной пѣхоты), 6 большихъ орудій и нѣсколько малыхъ, 500 туркменовъ и масса киргизовъ и каракалпакъ. Для сообщенія съ лѣвымъ берегомъ Аму и для переправы чрезъ рѣку, у непріятеля было до 30 каюковъ (большихъ лодокъ). Въ доказательство, что онъ дѣйствительно былъ на мѣстѣ, джигитъ привезъ съ собою пучекъ камыша съ Сардаба-куля (*). Все это было крайне утѣшительно. Въ близости Аму-дарьи уже нельзя было сомнѣваться. Лагерь оживился. Всѣ разспрашивали, волновались. Всѣмъ хотѣлось, если не имѣть у себя хоть небольшой вѣточки изъ этого камышеваго пучка, то, по крайней мѣрѣ, посмотреть на него и собственными глазами увидать это неоспоримое доказательство близости живой, вольной воды.

9-го числа, въ семь часовъ утра, прибыла на Алты-кудукъ колонна генералъ-маіора Бардовскаго, съ наполненными водою сосудами, съ напоенными лошадьми и верблюдами; но послѣднихъ осталось уже всего 1,240. Понятно, что поднять всю боевую колонну Туркестанскаго отряда не представлялось никакой возможности. Потому рѣшено было оставить на этихъ колодцахъ двѣ роты 3-го стрѣлковаго баталіона и дивизионъ конной батареи, а съ ними всѣ тяжести отряда, въ которыхъ не встрѣчалось насущной потребности. Не смотря на то, что отряду, по выходѣ къ Аму-дарьѣ, предстояла трудная переправа,

(*) Расположеніе непріятеля лазутчикъ опредѣлялъ довольно вѣрно. О числѣ же сарбазовъ и орудій, свѣдѣнія, имъ сообщенныя, оказались неточны.

пришлось въ числѣ тяжестей оставить и желѣзныя лодки (кауфманки), изъ которыхъ оказалось возможнымъ взять съ собою только три.

Тяжело было офицерамъ и солдатамъ оставаться на Алты-кудукъ, въ то время какъ товарищи ихъ шли впередъ съ вѣрною надеждою черезъ день встрѣтиться съ непріятелемъ. Но трудность положенія остававшихся заставила ихъ еще съ большей энергіей и добросовѣстностью, съ стойкостью и мужествомъ выполнить возложенную на нихъ важную задачу.

9-го мая, въ три часа пополудни, отрядъ, въ составѣ десяти ротъ, восьми орудій, двухъ картечницъ и одной сотни, выступилъ съ колодезь Алты-кудукъ. Каждый, уходя съ этихъ мрачной памяти колодезевъ, жадно обращалъ свои взоры на юго-западъ, въ надеждѣ увидѣть тамъ три холма (*), у подножія которыхъ, оплодотворяя землю, вьется широкая рѣка, съ прѣсною, вкусною водою, которой достаетъ миліонамъ людей...

Порядокъ движенія отряда былъ тотъ же, какъ и 2-го числа. Погода крайне благоприятствовала: при небольшомъ вѣтрѣ небо подернуто было, точно густымъ вуалемъ, сѣрыми тучами. Люди шли бодро. Вьючный обозъ двигался исправно. Напоенные и отдохнувшіе на Адамъ-крылганѣ верблюды были навьючены не болѣе восьми пудовъ; часть изъ нихъ къ вечеру освободилась изъ подъ воды, израсходованной къ этому времени. Кромѣ того, послѣ огромной убыли въ животныхъ, между ними почти не осталось молодыхъ и слабыхъ, погибшихъ до Алты-кудука.

Около восьми часовъ вечера, когда солнце уже зашло, отрядъ остановился на ночлегъ, отойдя отъ Алты-кудука 20 верстъ. Пищу на ночлегъ, конечно, не варили, а роздали воду людямъ только для питья и на чай. Для первой цѣли, впрочемъ, ее истратилось немного, такъ какъ люди сознавали, что лучшее средство отъ жажды это чай; свѣжая же вода только временно уменьшала жажду, не утоляя ее.

Во время ночлега съ 9-го на 10-е мая, непріятельская партія, подкрадываясь къ биваку, наткнулась на секретъ; раздалось нѣсколько выстрѣловъ; партія усакала назадъ и все этимъ окончилось. Только фасъ бивака, обращенный въ ту сторону, откуда слышались выстрѣлы, былъ поднятъ на нѣсколько минутъ въ ружье, безъ сигнала тревоги; остальные войска продолжали спокойно отдыхать.

10-го мая, за полчаса до разсвѣта, данъ былъ сигналъ подъема и колонна тронулась далѣе.

Нѣсколько прохладный вѣтерокъ, дувшій наканунѣ со стороны

(*) Учъ учакъ.

дарьи, въ продолженіе ночи совсѣмъ стихъ. Стало душно, и солнце съ утра начало сильно припекать, раскаляя песчаную почву. Къ полудню жара дошла до сорока пяти градусовъ.

Вся дорога отъ Алты-кудука пересѣкалась, перпендикулярно движенію отряда, нѣсколькими весьма холмистыми песчаными кряжами. Отряду приходилось то и дѣло спускаться съ одного кряжа, идти нѣкоторое время логомъ и потомъ снова подыматься. Кряжи эти, съ приближеніемъ къ Аму-дарьѣ, дѣлались все выше и круче. Вообще, къ рѣкѣ мѣстность значительно повышалась. Понятно, что все это задерживало движеніе. Артилерія, только благодаря неимовернымъ усиліямъ пѣхоты, медленно двигалась съ бархана на барханъ. Люди, особенно пришедшіе наканунѣ съ Адамъ-крылгана, чувствовали сильную усталость и жажду. Съ особенно отстававшими, офицеры дѣлились холоднымъ чаемъ съ виномъ или ромомъ, запасеннымъ на предстоявшій переходъ.

Верстахъ въ восьми отъ ночлега, проводники указали впереди три виднѣвшіеся на горизонтѣ холма. То было урочище Учъ-учакъ. Общая радость была такъ велика, что и сказать трудно: всѣ другъ друга поздравляли, жали руки, цѣловались; всѣ сдѣлались необыкновенно веселы и разговорчивы, шутили, смѣялись. Были остряки, увѣрявшіе очень серьезно, что даже верблюды сообразили о близости рѣки и шагали удивительно усердно.

Командующій войсками разослалъ по отряду своихъ адъютантовъ и ординарцевъ сообщить войскамъ радостную вѣсть. Дружное восторженное «ура!» огласило мертвенную пустыню. Солдаты оживились. Для нихъ какъ будто и солнце не такъ жгло, и песокъ сдѣлался менѣе глубокимъ, и самые песчаные перекаты легче чѣмъ предыдущіе.

Отойдя еще версты три, отрядъ остановился для привала, сдѣлавъ до этого мѣста всего 12 верстъ (*).

Впереди бивака находился высокій кряжъ, на который для обзора впереди лежащей мѣстности, тотчасъ по приходѣ войскъ на привалъ, былъ командированъ Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Константиновичъ съ двумя офицерами генеральнаго штаба; съ этого холма, далеко влѣво за отдаленными барханами, виднѣлась синеватая, сверкавшая искрами, лента. «Рѣка!» «Рѣка!» шевельнулась у каждого радостная мысль.

(*) Такіе небольшіе переходы между привалами дѣлались, съ одной стороны, въ виду трудности движенія, особенно для артилеріи и вьючнаго обоза, съ другой—для того, чтобы отрядъ не растягивался, такъ какъ постоянно можно было ожидать встрѣчи съ непріятелемъ.

На привалѣ опредѣлено было разстояніе до Учъ-учака. Топографы, подѣ руководствомъ полковника Жилинскаго, измѣрили пяти-верстный базисъ и засѣкли одну изъ высотъ, которая оказалась въ 15 верстахъ отъ мѣста привала. Засѣчка вышла нѣсколько остроу, однако опредѣленіе было довольно точно.

Наблюдая учъ-учакскія высоты, можно было замѣтить большую пыль, подымавшуюся съ ихъ отлогостей. А въ трубу ясно видна была темная масса, спускавшаяся съ высоты правѣ крайней сопки.

Непріятель двигался на встрѣчу отряда.

Часа въ два пополудни войска поднялись съ привала.

Во время слѣдованія, впереди началъ появляться непріятель. Начальникъ отряда, генералъ-маіоръ Головачевъ, бывшій все время во главѣ войскъ, первый замѣтилъ разѣзды непріятеля. Не доходя верстѣ восьми до Учъ-учака, онъ остановился, выставилъ къ сторонѣ отряда свой значокъ и ждалъ командующаго войсками, который на рыскахъ приближался къ мѣсту остановки начальника отряда. На впереди лежащихъ холмахъ видна была непріятельская конница, разсыпанная, по крайней мѣрѣ, на двухъ-верстномъ протяженіи. Видно было, что непріятель приготовился оказать сопротивленіе дальнѣйшему движенію отряда къ водѣ. Онъ полагалъ, что, пройдя безводную степь, войска будутъ крайне истощены и не устоятъ при первомъ дружномъ натискѣ. Такъ какъ солнце было уже близко къ закату, то рѣшено было остановиться на ночлегъ съ тѣмъ, чтобы засвѣтло стянуть обозъ и на другой день двинуться къ рѣкѣ. Какъ только головныя части остановились на барханѣ, съ котораго хорошо было видно непріятельское расположеніе, непріятель сталъ выѣзжать изъ за ближайшихъ холмовъ, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла. Выслали впередъ взводы стрѣлковъ, разсыпали цѣпь, приказавъ людямъ, въ нее назначеннымъ, стрѣлять только съ самыхъ близкихъ дистанцій. На дорогѣ и по ея сторонамъ поставили конныя орудія, прикрываемыя справа и слѣва двумя ротами пѣхоты. Орудія съ ротами составили передній фасъ каре, въ которое, по мѣрѣ стягиванія, войска устраивались для ночлега. Въ серединѣ каре помѣстился обозъ. Фасы каре пришлось по гребнямъ бархановъ; обозъ—въ котловинѣ, скрывавшей его отъ выстрѣловъ со всѣхъ четырехъ сторонъ.

Не успѣли верблюды стянуться къ мѣсту ночлега, какъ завязалась перестрѣлка. Незначительныя группы всадниковъ подъѣзжали къ цѣпи очень близко, располагались за барханами и, прикрываясь ими, стрѣляли по биваку. Въ цѣпи, время отъ времени, отвѣчали на выстрѣлы непріятеля. Когда совсѣмъ стемнѣло, кругомъ бивака войскъ

устроилось нѣчто въ родѣ иллюминаціи: непріятель зажегъ множество костровъ, желая, вѣроятно, показать, что онъ въ значительныхъ силахъ. По направленію къ Учъ-учаку огней было особенно много; нѣкоторые, по отдаленности, едва были замѣтны. Можно было думать, что непріятель не въ далекомъ разстояніи занялъ позицію, въ надеждѣ дать отряду серьезный отпоръ.

Высланные отъ каждаго фаса каре секреты получили то же приказаніе: не тратить патроновъ, не тревожить безъ надобности отряда и стрѣлять навѣрняка. По выстрѣламъ не приказано бить тревогу. Секреты были настолько сильны, что въ состояніи были выдержать первый натискъ.

Съ наступленіемъ ночи, непріятель сдѣлался необыкновенно смѣлъ; партіи отъ десяти до тридцати человѣкъ стали подъѣзжать къ биваку такъ близко, что натыкались на секреты. Послѣдніе дѣлали залпъ, и непріятель обращался въ бѣгство, оставляя на мѣстѣ убитыхъ и раненыхъ. Попытки застать войска врасплохъ обошлись хивинцамъ довольно дорого. Нѣсколько тѣлъ было найдено, на другой день, невдалекѣ отъ бивака; многія были увезены. Всю ночь слышались выстрѣлы; но, не смотря на это, отрядъ отдыхалъ не хуже, чѣмъ наканунѣ.

Начальникъ отряда съ вечера доложилъ командующему войсками диспозицію боеваго марша на 11-е число, которая и была утверждена главнымъ начальникомъ войскъ. Съ разсвѣтомъ, 11-го мая, отрядъ поднялся съ послѣдняго ночлега передъ Аму-дарею.

Въ виду непріятеля, войска для марша были выстроены въ слѣдующемъ боевомъ порядкѣ: во главѣ колонны шли по дорогѣ и по сторонамъ ея, вправо и влѣво, двѣ роты 1-го стрѣлковаго баталіона, подѣ начальствомъ капитана Плотникова. Изъ каждой роты, по одному взводу было разсыпано впереди, образуя такимъ образомъ одну непрерывную цѣпь стрѣлковъ, правый и лѣвый флангъ которой были нѣсколько загнуты назадъ. Этою передовою цѣпью командовалъ Его Императорское Высочество Князь Евгений Максимиліановичъ. За 1-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, непосредственно по дорогѣ, слѣдовалъ дивизіонъ конной батареи, справа въ одно орудіе; съ правой стороны дороги дивизіонъ сопровождали: саперная рота, стрѣлковая рота 8-го баталіона и при нихъ двѣ картечицы; съ лѣвой стороны дороги двѣ роты 4-го линейнаго баталіона и съ ними два горныя орудія. При 4-мъ баталіонѣ слѣдовалъ Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Константиновичъ (*).

(*) Въ рядахъ же 4-го баталіона шелъ нашъ священникъ Маловъ. Съ этимъ

Непосредственно за этой частью боевой колонны слѣдовалъ вьючный обозъ, стянутый въ большую, на сколько возможно было, сжатую колонну. Впереди обоза шла рота 2-го линейнаго баталіона; вправо и влѣво отъ него по ротѣ 4-го стрѣлковаго баталіона съ цѣпами стрѣлковъ по бокамъ и, наконецъ, въ арьергардѣ, за обозомъ, другая рота 2-го линейнаго баталіона и при ней два горныхъ орудія. Вся кавалерія сначала слѣдовала позади арьергарда. Потомъ начальникъ отряда раздѣлилъ всѣ сотни по полусотенно и направилъ однѣ полусотни правѣ, другія лѣвѣ обоза, придерживаясь его середины (*).

Въ такомъ порядкѣ войска стройно и спокойно двигались къ Учъ-учаку.

Едва былъ данъ сигналъ движенія, какъ непріятель окружилъ отрядъ и открылъ ружейный огонь, стараясь остановить войска; съ особеннымъ, свойственнымъ только азіатцамъ, крикомъ, хивинцы, въ значительномъ числѣ, появлялись на ближайшихъ барханахъ, намѣреваясь нѣсколько разъ произвести стремительную атаку; но огонь цѣпей заставлялъ непріятеля отказываться отъ атакъ и спускаться въ лоцины, прикрываясь песчаными холмами; изъ-за холмовъ, болѣе смѣлые производили совершенно безвредную пальбу по отряду.

Прослѣдивъ, такимъ образомъ, версты три или четыре главные силы отряда и замѣтивъ вытянувшуюся къ этому времени обозную колонну, непріятель попробовалъ было наѣсть на нее. Увидя значительное скопленіе непріятеля противъ обоза съ правой стороны, подполковникъ Главацкій распорядился перевести полусотни съ лѣвой стороны на правую. Замѣтивъ движеніе казаковъ и принявъ его за начало атаки, непріятель, съ крикомъ и гамомъ, ринулся назадъ.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ приказалъ кавалеріи не вдавляться въ преслѣдованіе непріятеля, а тѣмъ болѣе пѣхотнымъ частямъ не бросаться въ атаку. Артилерія сдѣлала только одинъ выстрѣлъ противъ значительной массы непріятеля, столпившагося съ правой стороны боевой колонны. Граната, съ близкой дистанціи пущенная въ эту толпу изъ горнаго орудія, мгновенно разсѣяла ее.

же баталіономъ отецъ Андрей славно участвовалъ при взятіи, въ 1865 году, Ташкента.

(*) Кавалерія отряда, какъ было сказано, оставалась на Адамъ-крылганѣ и ей приказано было выступить съ этого урочища 10-го мая, съ такимъ расчетомъ, чтобы нагнать передовую колонну передъ послѣднимъ переходомъ къ Сардаба-кулю. Исполняя это приказаніе, подполковникъ Главацкій привелъ командуемую имъ кавалерію акуратно за часъ до подъема главныхъ силъ отряда съ послѣдняго ночлега передъ выходомъ къ Аму-дарьѣ.

Во все время движенія, туркмены и хивинцы держались въ виду отряда и производили попытки то съ той, то съ другой стороны, но безуспѣшно. Находились смѣльчаки изъ нихъ, которые джигитовали подъ выстрѣлами цѣпи въ самомъ близкомъ разстояніи.

Четыре туркмена, проскакавшіе вдоль передовой цѣпи, шагахъ въ 300 отъ нея, сопровождаемые выстрѣлами, обратили на себя всеобщее вниманіе. Всѣ съ большимъ интересомъ слѣдили за этими молодцами все время, пока на нихъ сыпались выстрѣлы; но, на ихъ счастье, ни одна пуля не попала въ цѣль.

Отрядъ двигался спокойно, медленно, грозно, не ускоряя, не укорачивая шага, точно на маневрахъ; цѣпь отстрѣливалась сдержанно, прибѣгая къ пулѣ только тогда, когда непріятель былъ шагахъ въ 400—500, не болѣе. Это было наступленіе съ пальбою по подвижнымъ мишенямъ (*).

Пройдя версты пять отъ ночлега, всѣми замѣчена была впереди темноголубая полоса. «Вода! рѣка!» невольно вырвалось у каждого. Озеро Сардаба-куль виднѣлось не далѣе какъ въ трехъ верстахъ передъ отрядомъ. Окаймленное зеленымъ камышомъ и осокою, оно занимало значительную площадь, примыкая сѣверо-западную свою частію къ отлогостямъ учъ-учакскихъ холмовъ. Послѣдніе, по направленію на сѣверъ, образуютъ каменистую гряду, идущую вдоль Аму и носящую туземное названіе «чинка». Далѣе, на сѣверъ, чинкъ, постепенно понижаясь, теряется въ пескахъ. Южною же своею оконечностью онъ упирается въ Аму. Шагахъ въ 300 отъ сѣвернаго берега озера виднѣлась старая полуразвалившаяся постройка Сардаба-рабатъ. Между этой послѣдней, озеромъ и восточнымъ склономъ чинка, разстилалась низменность, слегка приподнятая отъ

(*) Не можемъ не привести здѣсь характернаго эпизода изъ боеваго марша 11-го мая 1873 года. 10-го мая, наканунѣ встрѣчи съ непріателемъ, въ отрядномъ походномъ лазаретѣ было 11 больныхъ. Какъ во все время предшествовавшего похода по степи, такъ и въ этотъ разъ, въ лазаретѣ серьезно больныхъ не было; болѣзни были по преимуществу легкія и скоро излѣчивались; тѣмъ не менѣе, до 11-го мая, солдаты, бывшіе въ то время въ лазаретѣ, не могли стать въ строй и слѣдовали въ походномъ лазаретѣ, во вьючныхъ койкахъ, на верблюдахъ. На разсвѣтъ 11-го мая отрядъ началъ подниматься и вьючиться. Одновременно съ этимъ, должны были и больные укладываться въ походномъ лазаретѣ на вьючныя кровати. Не каково было удивленіе старшаго лазаретнаго врача, когда ему доложили, что больныхъ нѣтъ ни одного въ лазаретѣ, а онъ наканунѣ вечеромъ видѣлъ ихъ 11 человекъ. «Какъ нѣтъ больныхъ, да гдѣ же они?» — «Всѣ разбѣжались, пошли въ строй, въ свои части. Вѣдь сегодня будетъ дѣло съ непріателемъ; никто не захотѣлъ остаться въ лазаретѣ». Въ это время отрядъ уже тронулся; собирать больныхъ обратно въ лазаретъ было и безцѣльно и трудно, и фактъ бѣгства больныхъ изъ лазарета въ строй, къ своимъ частямъ, такъ и остался совершившимся фактомъ.

озера къ рабату, а далѣе, верстахъ въ полтора отъ послѣдняго, сливавшаяся съ чинкомъ.

Около восьми часовъ утра, когда войска вышли изъ песковъ къ краю низменности, на которой расположено озеро Сардаба-куль, непріятель началъ поспѣшно отходить за чинкъ и за учъ-учакскіе холмы. При этомъ, довольно значительная часть его осталась у подошвы чинка въ какомъ-то неопредѣленномъ, выжидательномъ положеніи. Приказано было выдвинуть взводъ конныхъ орудій; два мѣткихъ выстрѣла гранатами вмигъ разсѣяли непріятеля; онъ быстро повернулъ назадъ и поспѣшно скрылся за кряжемъ, къ сторонѣ Аму-дарьи.

Этимъ закончился страшный актъ выхода туркестанскихъ войскъ изъ безводной пустыни къ вольной, живой водѣ, о которой всѣ въ отрядѣ такъ давно и сладко мечтали и которая была теперь у всѣхъ подъ глазами, занимая значительную площадь, примыкавшую къ безплоднымъ, уже пройденнымъ отрядомъ пескамъ.

Томившая всѣхъ жажда была такъ велика, что было бы простительно, если бы всѣ бросились къ озеру и прильнули воспламененными устами къ драгоценной влагѣ. Но главный начальникъ войскъ и окружавшая его свита съ гордостью и умиленіемъ любовались совершенно инымъ: медленно, спокойно, подвигаясь шагъ за шагомъ по глубокому песку и, наконецъ, выйдя изъ него, цѣпь стрѣлковъ 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона лѣвымъ своимъ флангомъ, а за нею и сомкнувшая часть того же баталіона и 4-й Туркестанскій баталіонъ, подошли къ озеру и по сигналу остановились. Многимъ солдатамъ пришлось стоять у самаго края озера и ни одинъ изъ нихъ не позволилъ себѣ нагнуться и зачерпнуть воды, чтобы напиться: каждый зналъ, что онъ въ строю, въ виду непріятеля, и что разрѣшенія оправиться и оставить свои мѣста еще не было дано.

Достойная глубокаго уваженія сила сознательнаго пониманія своего долга удерживала всѣхъ и cadaго отъ великаго соблазна!...

Въ томъ же духѣ можно привести еще фактъ, имѣющій большое значеніе. Передъ выступленіемъ отряда въ безводные переходы, сперва на Халъ-ата, потомъ на Адамъ-крылганъ и, наконецъ, на Алты-кудукъ, объявлено было войскамъ, чтобы изъ запасовъ воды, которую они имѣли съ собой на эти переходы, расходование было по возможности экономнѣе и такъ рассчитывалось, чтобы къ концу безводнаго перехода у cadaго солдата оставалась по крайней мѣрѣ одна манерка или одна бутылка съ водою, которую онъ могъ бы вылить въ озеро Сардаба-куль. Такая экономизація и крайняя береж-

ливость съ водою были необходимы, чтобы обезпечить войска отъ случайности—истощенія всѣхъ запасовъ воды ранѣе выхода отряда изъ безводной пустыни. Какъ бы вѣрно ни было рассчитано движеніе, а въ нашемъ положеніи такого расчета и невозможно было сдѣлать; во всякомъ случаѣ, на пути къ достиженію конечной цѣли могли встрѣтиться такіа обстоятельства и затрудненія, которыя заранѣе предвидѣть никоимъ образомъ было невозможно и которыя, однако, могли отдалить срокъ выхода отряда къ Учъ-учаку. Въ силу этого условія, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ настаивалъ и подтверждалъ строгое исполненіе вышеприведеннаго распоряженія. Когда непріятель уже скрылся, когда авангардъ и главные силы вышли на сардаба-кульское плато и выстроились на немъ въ колонны, а вѣчный обозъ подтягивался къ войскамъ, командующій войсками объѣзжалъ каждую часть, благодарилъ гг. офицеровъ и солдатъ за честное, святое исполненіе ими долга и поздравлялъ съ благополучнымъ окончаніемъ труднѣйшей части похода.

Въ то время, когда командующій войсками подъѣхалъ къ 4-му Туркестанскому линейному баталіону, онъ замѣтилъ на флангахъ колонны, въ которой двѣ роты этого баталіона были выстроены, манерки и бутылки, наполненные водою и поставленные рядами. Командиръ баталіона, генеральнаго штаба подполковникъ Чайковский, доложилъ генераль-адъютанту фонъ-Кауфману, что это тотъ запасъ воды, который, согласно его приказанія, остался у людей по выходѣ отряда къ «вольной водѣ». Горячо, отъ сердца, благодарилъ командующій войсками подполковника Чайковского, всѣхъ гг. офицеровъ и солдатъ 4-го баталіона за такое примѣрное, героическое исполненіе ими приказаній начальства. «Передъ такими войсками шапку можно снять и поклониться», часто говорилъ въ минувшій походъ генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ.

Давъ время стянуться войскамъ и обозу, и подойти кавалеріи, которая собралась близъ озера, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ лично повелъ ее вправо отъ озера, съ цѣлью подняться на чинкъ и выйти къ Аму, нѣсколькими верстами ниже Учъ-учака. Еще ранѣе было извѣстно, что непріятель имѣлъ лагерь на самомъ берегу рѣки, за чинкомъ и за курганами и потому можно было предполагать, что онъ выдержитъ бой въ этомъ лагерѣ. Вслѣдствіе этого генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, имѣя въ виду болѣе удобный подъемъ на чинкъ съ правой его стороны, гдѣ онъ значительно понижается и гдѣ, собственно, пролегаетъ дорога на Шураханъ, повелъ кавалерію впередъ въ этомъ направленіи. Въ тоже время, начальнику отряда,

генералъ-маіору Головачеву, было приказано двинуть, вслѣдъ за кавалерією, войска, составлявшія боевую колонну, съ горною артилерією. Обозъ съ прикрытіемъ и съ конными орудіями, лошади которыхъ были болѣе утомлены, былъ оставленъ около озера Сардаба-куля, гдѣ онъ и устроился въ вагенбургъ. Когда генералъ Кауфманъ съ кавалерією поднялся на гребень чинка, съ котораго на далекое разстояніе открывалось теченіе Аму, ея долина и дорога на Шураханы, то еще были видны небольшія непріятельскія партіи отсталыхъ, тянувшіяся внизъ по теченію рѣки и по дорогѣ на Шураханъ.

Какъ уже было замѣчено, чинкъ южной своею оконечностью подходить къ самой Аму-дарьѣ. Здѣсь образовалась глубокая котловина, открытая къ рѣкѣ. Котловина напоминаетъ потухшій кратеръ съ высокими отвѣсными боками. У южнаго края котловины возвышаются три сопки, которыя собственно и называются Учъ-учакъ. Переваливъ отъ Сардаба-рабата черезъ чинкъ, оставляя влѣво упомянутую котловину и Учъ-учакъ, дорога спускается на небольшую низменность Сары-тугай, лежащую у самаго берега рѣки, причемъ все время идетъ въ значительномъ удаленіи отъ Аму и только верстахъ въ восьми отъ Учъ-учака подходить къ ней возлѣ урочища Ичке-яръ. Последняго можно достигнуть и болѣе короткимъ путемъ, оставляя долину съ идущею по ней дорогою верстахъ въ полтора влѣво. Непріятель, какъ потомъ оказалось, былъ расположенъ первоначально лагеремъ собственно на урочищѣ Сары-тугай; 10-го числа онъ перешелъ къ Сардаба-кулю, а въ ночь на 11-е занялъ позицію вдоль одного изъ вышеописанныхъ песчаныхъ кряжей, пересѣкающихъ дорогу. Но, потерявъ надежду преградить русскимъ путь къ Аму, онъ не рѣшился оставаться въ лагерь (*).

Съ высоты чинка видѣнь былъ влѣво, непосредственно у берега рѣки, брошенный непріателемъ лагерь, гдѣ еще находилась небольшая партія хивинцевъ. На этотъ лагерь и на хивинцевъ и бросилась сначала кавалерія. Но хивинцы быстро удалились изъ лагеря ранѣе, чѣмъ успѣли туда казачьи сотни. Тогда подполковникъ Главацкій направился съ кавалерією за непріателемъ вдоль теченія рѣки. Вообще, главная цѣль этого движенія заключалась въ томъ, чтобы не допустить хивинцевъ переправиться на лодкахъ на лѣвый берегъ, отбить у нихъ, если можно, каюки (**), о существованіи которыхъ

(*) Когда это опредѣлилось, то пѣхотѣ приказано было возвратиться къ Сардаба-кулю, а кавалерія продолжала дальнѣйшее движеніе.

(**) Каюкъ—туземное названіе большихъ лодокъ, составленныхъ изъ толстыхъ брусевъ прочнаго дерева; длина лодки аршинъ около 12-ти, ширина вверху около 5-ти аршинъ; дно плоское; грузъ, поднимаемый лодкой, доходитъ до 500

имѣлись свѣдѣнія, и доставить тѣмъ отряду средства для переправы.

Въ четыре часа дня остальнымъ частямъ передовой колонны и обозу приказано было перейти изъ расположенія у Сардаба-куля къ берегу Аму-дарьи, на мѣсто бывшаго хивинскаго лагеря, на Сары-тугай. Изъ вышепомѣщеннаго краткаго топографическаго описанія мѣстности ясно усматривается, что кавалерія, движеніемъ къ бывшему лагерю непріятеля и преслѣдованіемъ партій вдоль теченія рѣки, сдѣлала значительный крюкъ и сильно удалилась отъ прямого шураханскаго пути, по которому отступила значительная масса непріятеля. Хивинскіе каюки, какъ потомъ оказалось, находились всѣ у берега урочища Ичке-яра, котораго непріятель, двигаясь по кратчайшей дорогѣ, достигъ скорѣе, чѣмъ измученная 60-ти-верстнымъ передъ тѣмъ переходомъ наша кавалерія.

Подскакавъ къ Ичке-яру, она застала тамъ уже только хвостъ непріятеля, бросившагося частію по дорогѣ на Шураханъ, частію уже успѣвшаго сѣсть въ лодки и отчалить отъ берега. Подполковникъ Главацкій приказалъ пустить по непріятелю, возившемуся у лодокъ, нѣсколько ракетъ. Скакавшихъ же по берегу кавалерія преслѣдовала еще версты двѣ.

Между тѣмъ, одинъ изъ каюковъ, переправлявшихся черезъ рѣку, попалъ на мель; часть людей, сидѣвшихъ на немъ, бросилась въ воду, стараясь достигнуть противоположнаго берега вплавъ и въ бродъ; часть же осталась въ лодкѣ, скрываясь на днѣ ея отъ нашихъ выстрѣловъ. Къ этому времени, командуя войсками, находившіяся со свитою у мѣста брошеннаго непріятельскаго лагеря, получивъ отъ подполковника Главацкаго извѣстіе о происходившемъ, поскакалъ къ Ичке-яру, гдѣ и нашелъ дѣла въ слѣдующемъ положеніи: всѣ лодки переправились на лѣвый берегъ, а одинъ вышеупомянутый каюкъ сидѣлъ на мели. Тогда приказано было вызвать охотниковъ пуститься вплавъ до каюка и привести его къ берегу. На вызовъ явилось нѣсколько человекъ уральскихъ казаковъ и прапорщикъ Каменецкій (*). Каюкъ находился саженьхъ въ 200 отъ берега. Вѣтеръ былъ очень сильный и разводилъ большое волненіе на Аму-дарьѣ.

и даже 700 пудовъ. Управляются каюки веслами; парусовъ хивинцы не знаютъ. Въето рули служатъ также весла. Устройство хивинскихъ каюковъ замѣчительно тѣмъ, что скрѣпленія въ нихъ деревянные. Благодаря быстротѣ теченія Аму, каюки спускаются внизъ по рѣкѣ со скоростью 7—10 верстъ въ часъ; вверхъ онъ тнются бичевою; малыя лодки ходятъ вверхъ на веслахъ или на шестахъ.

(*) Впослѣдствіи погибшій славною смертію храбрыхъ, въ дѣлѣ 13-го іюля съ туркменами.

При быстромъ теченіи рѣки, волненіе это могло даже сдѣлаться опаснымъ для молодцовъ-уральцевъ. Но воодушевленные присутствіемъ главнаго начальника войскъ и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, они быстро подвигались впередъ, разсѣкая пѣвившуюся воду. Съ берега по каюку поддерживался рѣдкій огонь. Отвѣтивъ съ своей стороны нѣсколькими выстрѣлами, направленными на охотниковъ-пловцовъ, хивинцы оставили каюкъ и старались добраться до лѣваго берега. Снявъ каюкъ съ мели, уральцы направили его къ правому берегу. Каменецкій, стоя съ накинутымъ на плечи хивинскимъ халатомъ у руля и противопоставляя вѣтру полы своей полосатой накидки, видимо, старался изобразить изъ себя и мачту, и парусъ.

Молодцы-уральцы, которымъ опредѣлено было 100 руб. награды, если они снимутъ каюкъ съ мели, съ сіяющими, торжествующими лицами, лихо гребли и направляли каюкъ. Въ немъ оказалось двѣ коровы, нѣсколько барановъ, небольшіе запасы лепешекъ, рису, двѣ шашки, три халата и проч. Все это разрѣшено было оставить, какъ военную добычу, удалцамъ-уральцамъ. Тутъ же имъ были отданы и призовые 100 рублей.

Непріятеля не было уже и слѣдовъ. Часть казаковъ предавалась самымъ мирнымъ занятіямъ: выкачивали изъ каюка воду и старались привязать его за небольшіе кустики, растущіе по берегу. Многие уснули, утомясь порядочнымъ переходомъ и нѣкоторымъ волненіемъ. Кавачьи лошади, связанные вмѣстѣ, щипали сочную траву, которой давно не видѣли. Кавалерія осталась ночевать на Ичке-ярѣ. Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, со сборною сотнею, возвратился къ главной колоннѣ, которая, тѣмъ временемъ, была переведена отъ озера Сардаба-куля къ мѣсту бывшаго непріятельскаго лагеря на Аму-дарьѣ.

По показаніямъ плѣнныхъ, для встрѣчи русскихъ, наступавшихъ со стороны Туркестана, хивинскій ханъ приказалъ собрать войска въ окрестностяхъ Учъ-учака, съ цѣлью не допустить отрядъ до р. Аму. Хивинскія полчища состояли: изъ киргизовъ, подъ начальствомъ Садыка, и хивинцевъ, собранныхъ съ разныхъ мѣстъ, въ размѣрѣ по одному человѣку съ каждаго нукерскаго дома. Хивинскія войска прибыли на Учъ-учакъ двумя партіями: первая, подъ начальствомъ диванъ-беги Матъ-Ніаза, около 1,500 чел., въ числѣ ихъ до 500 ата-туркменовъ и до 500 киргизовъ Садыка, и вторая, прибывшая позже, на усиленіе первой, подъ начальствомъ главнаго визиря ханскаго, диванъ-беги Матъ-Мурада, въ числѣ до 2,000 чел. Плѣнные показывали, что всѣхъ войскъ около Сардаба-куля было собрано до 3,500 чел. Въ этомъ числѣ: 1,000 туркменовъ, 500 киргизовъ и

2,000 нукеровъ изъ осѣдлыхъ хивинцевъ. Между послѣдними были стрѣлки. Хивинцы имѣли два небольшія орудія, на лафетахъ.

За 15 или 20 дней до выхода Туркестанскаго отряда къ Аму, когда получено было извѣстіе, что русскіе подходятъ съ моря (вѣроятно, Оренбургскій отрядъ), съ Учъ-учака отозваны были къ дельтѣ Аму-дарьи до 1,000 чел., но взамѣнъ ихъ было собрано до 1,000 нукеровъ, изъ которыхъ послѣдніе прибыли только за нѣсколько дней до 11-го мая. По сборѣ хивинцевъ на Сардаба-кулѣ, посланы были отсюда, по словамъ плѣнныхъ, развѣдочныя туркменскія партіи; къ Халъ-ата выслано было отъ 200 — 300 туркменовъ, подъ начальствомъ Супака. Эта партія сдѣлала нечаянное ночное нападеніе 27-го апрѣля на развѣздѣ, слѣдовавшій впереди колонны генералъ-маіора Бардовскаго. Партія Супака подходила также къ русскому лагерю на Адамъ-крылганѣ, на разсвѣтѣ 1-го мая. Въ обоихъ этихъ случаяхъ, по словамъ плѣнныхъ, туркмены потеряли нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными, но сколько именно, они не знали. Кромѣ того, плѣнные говорили, что потеря въ лошадяхъ въ разныхъ стычкахъ была весьма значительна. Какъ именно велика потеря у непріятеля въ дѣлѣ 11-го мая, плѣнные опредѣлить не могли; но, по согласному заявленію ихъ, потеря эта значительна. У насъ потери въ дѣлѣ 11-го мая не было никакой. Съ нашей стороны въ учъ-учакскомъ дѣлѣ выпущено 1,471 патронъ, 3 гранаты и 25 ракетъ.

Дѣло 11-го мая имѣетъ нѣкоторыя особенности, о которыхъ не лишнее сказать нѣсколько словъ.

Изъ всѣхъ средне-азіатскихъ дѣлъ, на сколько извѣстно, русскимъ войскамъ въ первый разъ пришлось наступать въ виду непріятеля со всѣми обозными тяжестями. Необходимость двигаться именно такимъ образомъ заставила принять и форму построенія, соотвѣтствующую обстоятельствамъ. Форма эта какъ нельзя болѣе отвѣчала условіямъ: удобства движенія и возможности активной обороны.

Изъ формы построенія вытекалъ самъ собою способъ дѣйствій: отстрѣливаться, не вдаваясь въ преслѣдованіе, противопоставлять непріятелю кавалерію, не бросая ее въ атаку.

Изъ ясно и опредѣленно поставленной цѣли — дойти какъ можно скорѣе до воды, слѣдовало также и то, что артилерія, собственно на маршѣ, сдѣлала только одинъ выстрѣлъ, хотя представлялись случаи сдѣлать ихъ и болѣе.

Только дойдя до Сардаба-куля и устроивъ здѣсь вагенбургъ, командующій войсками ведетъ атаку. До этого же времени отрядъ

активно оборонялся, что, какъ видно изъ предъидущаго, было вполне рационально.

Послѣ окончанія дѣла и по возвращеніи командующаго войсками къ мѣсту ночлега пѣхоты, немедленно было написано донесеніе Государю Императору о благополучномъ выходѣ войскъ къ Аму-дарьѣ; въ тотъ же день былъ посланъ въ Ташкентъ нарочный, съ телеграмою къ Его Величеству, слѣдующаго содержанія:

«Войска Вашего Императорскаго Величества, составляющія головную колонну Туркестанскаго отряда, въ числѣ 10-ти ротъ и 6-ти сотенъ, при 10-ти орудіяхъ и 8-ми ракетныхъ станкахъ, одолѣвъ немовѣрныя трудности, поставляемыя природой, въ особенности на послѣдней стоверстной, жаркой, безводной, съ сыпучими песками, полостъ, разбили хивинское скопище, въ числѣ до 3,500 человекъ, собравшихся у урочища Учъ-учака для прегражденія намъ пути къ Аму-дарьѣ и, безъ всякихъ жертвъ и потерь, благополучно вышли и стали твердою ногою 11-го мая на рѣкѣ Аму-дарьѣ. Непріятель въ паникѣ бѣжалъ. Состояніе здоровья войскъ блистательное, духъ ихъ молодецкій.

«Всѣ, отъ старшаго до послѣдняго, исполнили свое дѣло честно и вѣрно долгу и присягѣ Вашему Императорскому Величеству. Ихъ Императорскія Высочества принимали во всемъ дѣятельное и полезное участіе.

«Продолжаю движеніе по Аму на Шураханъ. Подробности въ рапортѣ военному министру».

Тотчасъ же, по расположеніи войскъ въ лагерь на Аму-дарьѣ, все, что было свободного отъ службы въ отрядѣ, бросилось купаться и мыться въ аму-дарьинской водѣ. Берегъ рѣки, на всемъ протяженіи, занятъ бивакомъ отряда, усяянъ былъ фигурами офицеровъ и солдатъ, полоскавшихъ въ водѣ. Всѣ были довольны и радостны. Шумъ рѣки, навѣрное, представлялся каждому самой прекрасной мелодіей. Солдаты 4-го баталіона, изготовившіе себѣ сѣти на Алты-кудукъ, раскинули невода и ловили рыбу. Какъ тамъ они примѣнились къ пустынѣ, не теряя даромъ время, такъ и здѣсь примѣнились къ рѣкѣ, доставляя себѣ удовольствіе. Все прошедшее осталось сзади, какъ тяжелый сонъ, какъ страшный кошмаръ...

Къ вечеру была собрана, подъ руководствомъ и наблюденіемъ нашего лихаго моряка, Зубова, и спущена на рѣку складная желѣзная лодка, кауфманка, первое русское судно въ аму-дарьинскихъ водахъ. Нѣсколько офицеровъ сѣли въ кауфманку и съ пѣснями ка-

тались по Аму-дарьѣ; стройные звуки поющихъ разносились по волнамъ древняго Оксуса, въ первый разъ услышавшаго русскую пѣсню.

На слѣдующій день спущены были и остальные двѣ кауфманки. Всѣ онѣ, вмѣстѣ съ отбитымъ наканунѣ кавалеріею отряда хивинскимъ каюкомъ, составили ядро нашей гребной флотилии, средствами которой, нѣсколько дней спустя, какъ увидимъ ниже, Туркестанскій отрядъ былъ переправленъ въ четыре дня чрезъ величайшую изъ средне-азиатскихъ рѣкъ. 12-го числа отрядъ остался дневать на мѣстѣ своего расположенія. Въ этотъ день, передъ войсками передовой колонны Туркестанскаго отряда, протоіерей Маловъ служилъ молебенъ: русскіе люди, по обычаю, благодарили Бога за благополучный и счастливый выходъ на Аму-дарью.

Послѣ молебствія, командующій войсками торжественно возложилъ на достойнѣйшихъ нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ 11-го мая, знаки отличія Военнаго ордена (*).

(*) Того же числа по войскамъ Туркестанскаго военнаго округа былъ отданъ слѣдующій приказъ: «Спѣшу поздравить Высочайше вѣренныя мнѣ войска Туркестанскаго военнаго округа съ благополучнымъ и успѣшнымъ результатомъ, достигнутымъ храбрыми, молодецкими, боевыми товарищами вашими, войсками Туркестанскаго отряда, дѣйствующими противъ Хивы. Одолѣвъ немовѣрныя трудности, поставляемыя природой, особенно на послѣдней отъ Халь-ата стоверстной, маловодной, жаркой, съ глубокими сыпучими песками полостъ, прогнавъ непріятеля, собравшагося въ числѣ до 3,500 человекъ, чтобы загородить намъ дорогу къ водѣ,—10 ротъ, 6 сотенъ, при 10 орудіяхъ и ракетной батарее, благополучно вышли и безъ всякихъ жертвъ и потерь стали твердою ногою, 11-го сего мая, на правомъ берегу Аму-дарьи, близъ урочища Учъ-учака. Объявляя объ этомъ по войскамъ вѣреннаго мнѣ округа, я считаю себя обязаннымъ сдѣлать извѣстнымъ, что достиженіе такого результата только и могло быть при единодушномъ, честномъ стремленіи всѣхъ и каждаго, отъ старшаго до младшаго, исполнить свое дѣло свято и вѣрно долгу и присягѣ Государю Императору. Пройди 800 верстное разстояніе, при самыхъ разнообразныхъ, тяжелыхъ условіяхъ, войска дѣйствующаго отряда сумѣли сбереечь и свои силы; здоровье ихъ находится въ самомъ блистательномъ положеніи, больныхъ почти нѣтъ въ отрядѣ. Одолѣвъ затѣмъ на послѣднемъ переходѣ отъ Халь-ата къ Учъ-учаку трудности и лишения отъ маловодія, тяжести пути по глубокимъ пескамъ съ крутыми подъемами и спусками, войска отряда весело стали, вечеромъ 10-го мая, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Боевой маршъ ихъ 11-го мая, съ послѣдняго ночлега къ озеру Сардаба-кулю, въ виду окружавшаго насъ со всѣхъ сторонъ непріятеля, произведенъ былъ въ примѣрномъ порядкѣ и въ грозной для непріятеля стройности. Части войскъ шли какъ на ученьи; нельзя было достаточно налюбоваться этимъ внушительнымъ маршемъ. Непріятель, лишась всякой надежды на успѣхъ и теряя на каждомъ шагѣ болѣе отважныхъ своихъ всадниковъ, бѣжалъ, преслѣдуемый сотнями съ ракетной батареей, на разстояніи 20 верстъ. Добыча, однако, большаго каюка была наградою подвига нашей кавалеріи, сдѣлавшей въ одну ночь болѣе 60 верстъ тяжелаго перехода и вслѣдъ за тѣмъ гнавшей упорно за бѣгущимъ непріятелемъ. Не могу не вспомнить съ благодарностью и о тѣхъ

13-го числа, въ три часа послѣ обѣда, отрядъ тронулся внизъ по теченію Аму, на урочище Ичке-яръ, гдѣ стояла кавалерія; здѣсь войска расположились на ночлегъ съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день двигаться на Шураханъ. Военныя соображенія требовали, чтобы, пользуясь учъ-учакскимъ успѣхомъ, не дать непріятелю опомниться и немедленно идти по его слѣдамъ. Вотъ почему, не выждавъ прибытія къ Аму-дарьѣ остальныхъ частей отряда, рѣшено было выступить далѣе съ одною передовою колонною. Дойдя до Шурахана, предполагалось одновременно заняться приготовленіемъ къ переправѣ, устройствомъ матеріальной части, а въ тоже время, быть можетъ, успѣли бы подойти къ передовой колоннѣ и другія части отряда, оставленные сзади.

Немедленное движеніе на Шураханъ имѣло и другую важную выгоду: вступая въ населенный районъ, войска получали возможность пополнить продовольственные запасы, которые всѣ были на исходѣ.

Въ заботахъ и стремленіи какъ можно легче и безпрепятственнѣе пройти пространство отъ Халъ-ата къ Учъ-учаку, передовая колонна Туркестанскаго отряда вышла на Аму-дарью, имѣя съ собою весьма ограниченные, скудные запасы провіанта, мяса и фуража. Хотя, собственно говоря, продовольственная часть туркестанскихъ войскъ къ этому времени и была лучше чѣмъ когда либо, такъ какъ 3-го мая на Халъ-ата прибылъ транспортъ съ мѣсячнымъ довольствіемъ, а 21-го долженъ былъ прибыть туда же и другой; но для войскъ, вышедшихъ 11-го мая къ Аму-дарьѣ, запасы эти, по недостатку перевозоч-
частяхъ войскъ, которыя, по необходимости, пришлось мнѣ оставить на Халъ-ата и Алты-кудукъ. На ихъ долю выпало продолженіе еще той мужественной борьбы съ разнаго рода лишеніями, сопряженными со стоянкою на колодцахъ и съ препятствіями стennaго похода, которыя столь славно одолѣла уже головная часть отряда; только съ переходомъ ихъ на рѣку Аму-дарью, къ чему ожидаются средства въ самомъ непродолжительномъ времени, я позабочусь доставить и имъ случай сразиться съ непріятелемъ. За видѣнный мною порядокъ въ отрядѣ, въ особенности на послѣднихъ колодцахъ Алты-кудукъ и въ движеніи отряда къ озеру Сардаба-кулю, благодаря всѣхъ, отъ старшаго до младшаго, я изъявляю искреннюю мою признательность: начальнику отряда, генералъ-маіору Головачеву, и ближайшему пособнику моему, начальнику полевого штаба, генералъ-маіору Троцкому, а также начальникамъ: артилеріи, генералъ-маіору Жаринову, пѣхоты, генералъ-маіору Бардовскому, инженеру, полковнику Шлейферу, главному отрядному врачу, статскому совѣтнику Суворову, и полевому интенданту, статскому совѣтнику Касьянову. Съ искренною благодарностью вспоминаю также о заслугахъ ротмистровъ, Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Николая Константиновича и Князя Евгенія Максимиліановича Романовскаго; переносъ съ твердостью, наравнѣ съ другими чинами отряда, лишенія и труды, они служили для всѣхъ отличнѣйшимъ примѣромъ подражанія, и въ боевомъ маршѣ къ Сардаба-кулю состояли при передовыхъ пѣхотныхъ частяхъ.

ныхъ средствъ, верблюдовъ, были мертвымъ капиталомъ; воспользоваться имъ въ данное время не предстояло возможности. Не надѣясь, затѣмъ, ни на какіе подвозы сзади, приходилось подумать объ устройствѣ довольственной части передовой колонны собственными своими средствами.

При выступленіи съ Халъ-ата, какъ припомнимъ, въ отрядѣ, по обыкновенному разсчету, было сухарей по 16-е мая. Во время невзгодъ, перенесенныхъ отрядомъ на пути между Халъ-ата и Аму-дарьей, продовольственная часть пришла въ разстройство и много провіанта погибло. Прибытіемъ части транспорта Гринвальда на Адамъ-крылганъ, во время стоянки тамъ отряда генерала Бардовскаго, потерянный провіантъ до нѣкоторой степени былъ пополненъ. При выходѣ же на Аму-дарью оказалось, что, растягивая провіантъ до возможности, т. е. выдавая солдату не болѣе фунта сухарей въ день, въ войскахъ имѣлось довольствія только по 19-е мая, ячменя же въ отрядѣ совсѣмъ уже не было. Итакъ, къ 19-му мая надлежало, во чтобы то ни стало, добыть продовольствіе; а добыть его можно было только у непріятеля. Мясное довольствіе отряда производилось, какъ извѣстно, подрядчикомъ купцомъ Громовымъ; изъ его стада, сопровождавшаго отрядъ, войска покупали, по мѣрѣ надобности, нѣсколько головъ сразу. Еще до Халъ-ата у Громова погибло много порціоннаго скота отъ изнуренія, безводицы и безкормицы. Отсюда, по недостатку воды, не было возможности гнать скотъ за отрядомъ далѣе; по этому остатки стада Громова оставлены были на Халъ-ата. Часть войскъ взяла съ собой лишь по столько головъ, чтобы мясной порціи достало до выхода на Аму-дарью и на первые дни дальнѣйшаго движенія. На дѣлѣ же, послѣ адамъ-крылганскихъ и алты-кудукскихъ остановокъ, оказалось, что къ выходу на Аму-дарью мясные запасы всѣ кончились. Хотя и куплено было, 13-го мая, 126 барановъ на лѣвомъ берегу Аму-дарьи, куда для этой цѣли отправился купецъ Громовъ, съ нѣсколькими джигитами, но, очевидно, это была капля въ морѣ. Необходимо было озаботиться серьезнымъ обезпеченіемъ отряда этого рода довольствіемъ.

Изъ только что сказаннаго о положеніи, въ какомъ находился отрядъ при выходѣ на Аму-дарью, ясно, что, прежде всего, необходимо было передвинуться къ Шурахану, какъ пункту населенному, гдѣ можно было найти предметы довольствія для войскъ, а затѣмъ, уже выждать сзади шедшія части Туркестанскаго отряда.

13-го числа, въ часть дня, послано было назадъ, на Адамъ-крылганъ, 90 верблюдовъ съ водоподъемными сосудами, подъ конвоемъ

полусотни казаковъ. Сосуды эти назначались для колонны полковника Веймарна, которая должна была выйти имъ на встрѣчу къ Адамъ-крылгану. Для поднятія тяжестей, Веймарнъ имѣлъ верблюдовъ, пришедшихъ съ транспортомъ Гринзальда. По выходѣ отряда полковника Веймарна на Аму-дарью и по достиженіи передовымъ отрядомъ пункта переправы, гдѣ уже не предстояло болѣе надобности въ верблюдахъ, предполагалось послать турсуки и бочки, а также выючныхъ животныхъ на Алты-кудукъ, для поднятія отряда полковника Новомлинскаго и оставленныхъ тамъ тяжестей. Только по выходѣ послѣдняго къ Аму-дарьѣ, можно было подумать о передвиженіи и остальныхъ войскъ, оставленныхъ на Халъ-ата.

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВОЙСКА

И УСЛОВІЯ ИХЪ БЫТОВОЙ, ПОХОДНОЙ И БОЕВОЙ ЖИЗНИ.

(Статья вторая.) (*)

II.

ВООРУЖЕНІЕ ТУРКЕСТАНСКИХЪ ВОЙСКЪ.

Вооруженіе пѣхоты, артилеріи и казаковъ.—Вооруженіе крѣпостей.—Снабженіе боевыми припасами.—Поставка свинца.—Окружная лабораторія и окружный арсеналь.—Парки.—Состояніе запасовъ артилерійскаго имущества.

Къ 1-му января 1874 года пѣхотныя части въ Туркестанскомъ округѣ были вооружены слѣдующимъ образомъ: баталіоны туркестанской стрѣлковой бригады—малокалиберными винтовками системы Бердана образца 1868 года; всѣ двѣнадцать туркестанскихъ линейныхъ баталіоновъ—6-ти линейными винтовками, заряжаемыми съ дула; всѣ мѣстные и уѣздныя команды, а также губернскіе баталіоны (69-й Ташкентскій и 70-й Вѣрненскій)—7-ми линейными пѣхотными наръзными ружьями.

Въ настоящее время 6-ти линейныя винтовки начали исподволь замѣняться ружьями системы Карля, доставленными въ округъ въ 1873 году.

Безспорно, что вооруженіе войскъ составляетъ одинъ изъ важныхъ элементовъ для обезпеченія успѣховъ въ бою; но въ войскахъ съ среднеазіятцами всякое оружіе въ рукахъ европейски-дисциплинированнаго солдата будетъ хорошо. Туземныя же войска, если бы даже были вооружены самыми совершеннѣйшими ружьями въ мірѣ, то и тогда ничего не могли бы подѣлать съ своими европейскими противниками, такъ какъ у нихъ не достаетъ главнаго—дисциплины.

На сколько велика разница между русскимъ солдатомъ и среднеазіятскимъ воиномъ по отношенію дисциплины, на столько же велика разница и въ вооруженіи.

Дальность и мѣткость нашего пѣхотнаго ружья держать, въ полевыхъ дѣлахъ, нашего туркестанскаго солдата постоянно внѣ сферы поражаемости фитильнаго ружья туземца, вслѣдствіе чего потери

(*) См. «Военный Сборникъ» 1875 года № 4.
Т. СIII. Отд. I.